

Вера Крыжановская-Рочестер

Бенедиктинское аббатство

Вера Крыжановская-Рочестер
Бенедиктинское аббатство

«Public Domain»

1908

Крыжановская-Рочестер В. И.

Бенедиктинское аббатство / В. И. Крыжановская-Рочестер —
«Public Domain», 1908

«В то время, когда я стал себя помнить (рассказ этот относится к началу XII века), мне было четыре или пять лет, и я совершенно не знал, кто были мои родители и где я родился. Жил я в башне старого развалившегося замка, под наблюдением старого воина и его жены, добрых почтенных людей, искренно любивших меня; но они не были моими отцом и матерью. Часть замка, еще сохранившаяся от разрушения, тщательно запиралась, и я знал только, что при помощи большой связки ключей, хранившейся в сундуке моего приемного отца, можно было открыть комнаты, в которых, однако, я никогда не был...»

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

Исповедь Патера Санктуса	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Вера Крыжановская
Бенедиктинское аббатство
Три исповеди

Исповедь Патера Санктуса

В то время, когда я стал себя помнить (рассказ этот относится к началу XII века), мне было четыре или пять лет, и я совершенно не знал, кто были мои родители и где я родился. Жил я в башне старого развалившегося замка, под наблюдением старого воина и его жены, добрых почтенных людей, искренно любивших меня; но они не были моими отцом и матерью.

Часть замка, еще сохранившаяся от разрушения, тщательно запиралась, и я знал только, что при помощи большой связки ключей, хранившейся в сундуке моего приемного отца, можно было открыть комнаты, в которых, однако, я никогда не был.

Жизнь моя текла спокойно и относительно счастливо. Я не чувствовал ни в чем недостатка; ел когда хотел, играл совершенно свободно, лазил по деревьям, разоряя птичьи гнезда, бегал по запущенному саду и пустым комнатам разрушившейся части замка, который называли Рабенест, и таким образом достиг двенадцатого года.

Как-то вечером все мы сидели за ужином. В камине весело сверкал огонь, погода была ужасная, дождь лил ручьем, ветер свистел и ревел в развалинах, а крик сов, гнездившихся в нашей башне, усиливал страшное впечатление, заставляя в то же время сознавать приятный контраст между безопасным теплым жильем и бушевавшей бурей.

Но вдруг мы вздрогнули от раздавшегося лошадиного топота и крика:

– Эй!

Мой приемный отец взял прикрепленный к стене факел и бросился на улицу, куда и я побежал за ним. Сильный порывистый ветер едва не задул факела, но все-таки мы рассмотрели в нескольких шагах от нас группу всадников.

– Подойди, старик! – звучным голосом сказал стоявший ближе других. – Именем графа фон Рабенау, отвори нам комнаты замка, – прибавил он, протягивая кольцо с гербом.

– Я весь к вашим услугам, господин. Извольте следовать за мною, – сказал отец мой, отвешивая низкие поклоны.

Затем он пошел за ключами и позвал пастуха поддержать лошадей.

Тогда я увидел, что прибывших было шестеро, из них два рыцаря с опущенными забралами и четыре оруженосца.

Господин, говоривший с отцом, был внушительного вида с гордо закинутой головой; второй рыцарь держал голову опущенною, и в руках у него было что-то завернутое в плащ. Свита следовала за нами на почтительном расстоянии.

Я также взял факел и помог отцу осветить узкую извилистую лестницу, которая вела в комнаты, где еще можно было жить.

Наконец отец отворил массивную дверь, и мы вошли в комнату, какой я еще никогда не видал.

Это была длинная, довольно обширная зала, с низким потолком из огромных бревен; несколько узких, словно бойницы, окон, глубоко сидящих в толстых стенах, давали очень мало света днем. Посредине стоял большой стол почерневшего дуба и такие же стулья с высокими спинками, украшенными гербами, а против окон возвышался огромный камин.

Приемные родители мои и пастух усердно занялись приведением всего в порядок, и вскоре мрачная зала приняла более уютный вид; в серебряном канделябре зажгли желтые восковые свечи, принесли дрова и в камине засверкал веселый огонек.

Из прибывших только двое сели, остальные стояли. Когда оба рыцаря подняли забрала, я с любопытством стал рассматривать их; у того, кого можно было принять за главного, было матовой, но не болезненной бледности лицо, с маленькой шелковистой, вьющейся бородкой. Огненный взгляд его черных, властных глаз трудно было выдержать.

Неожиданно для меня он спросил:

– Кто ты?

Рыцарь внул мне мало доверия, и я со страхом пролепетал:

– Я... я?

И собрался убежать.

– Конечно ты, маленькая жаба, – произнес рыцарь, удерживая меня за руку.

– Я, – отвечал я прерывающимся голосом, до такой степени чувство страха и негодования охватило меня при имени жабы, – я, Энгельберт, приемный сын отца Гильберта.

При этом имени рыцарь вздрогнул; выпустил мою руку: он поспешно взял канделябр и осветил мое лицо, словно вглядываясь в меня. Лицо его нахмурилось, и с уст сорвался возглас удивления:

– Взгляни на этого мальчика, Бруно. Не находишь ли ты в нем знакомые черты?

Второй рыцарь поднял голову и остановил на мне на миг усталый взор.

В свою очередь он также вздрогнул.

– Роза! Это ее черты, – сказал он в волнении.

– Тише! – остановил его первый, бросая недовольный взгляд на четверых оруженосцев, стоявших в нескольких шагах от них.

Он нагнулся к своему товарищу, и они стали говорить шепотом.

Мне было легко разглядеть их, и я увидел, что говорившему со мною рыцарю было около двадцати или двадцати двух лет; другой же был много старше, лет за сорок. Он был очень бледен, а на сжатых губах застыло грустное и горькое выражение.

Только теперь я заметил на его руках маленькую девочку, пяти или шести лет, крепко спавшую, прижав голову к груди своего покровителя. Ее светлые, густые, выющиеся волосы ореолом окаймляли лоб, и она мне представлялась ангелом.

Когда рыцари окончили свой разговор, они скоро отпустили меня. Вышел я точно во сне и опомнился только в нашей башне, куда мои приемные родители также пришли вскоре. Пока мы оканчивали так неожиданно прерванный ужин, мать Бригитта рассказала, что рыцари еще долго оживленно спорили, потом отпустили ее, приказав уложить малютку, прелестную и кроткую девочку.

Я заснул очень взволнованный, а утром Бригитта разбудила меня, расталкивая и крича:

– Вставай, лентяй! Все уже на ногах и путешественники уехали.

– Как! Уже уехали? – сказал я, огорченный.

– Не все, успокойся, – ответила мать Бригитта, смеясь. – Один из рыцарей остался с девочкой, и они будут здесь жить. Забавная фантазия у богатых людей, – прибавила она, пожимая плечами, – похоронить себя в этом старом развалившемся гнезде, окруженном лесом и так далеко от города! Этот старый Рабенест годится беднякам, вроде нас, которые будут счастливы везде, где есть кров и пища.

Я поднялся с постели в большой задумчивости, горько сожалея, что не видал более молодого рыцаря с поразительными чертами лица.

* * *

Несколько дней я не видел ни рыцаря, ни девочки, и жизнь пошла своим обычным порядком. Перемена была только в том, что мать Бригитта стала готовить обед для новых обитателей, а я таскал из погреба бутылки старого вина.

Мать Бригитта рассказывала чудеса о красоте и кротости маленькой Нельды, которую она имела честь одевать и укладывать.

Однажды, забравшись в сад, я увидел этого ребенка сидящим на траве и игравшим цветами.

Увидав в моих руках птичку, которую я только что поймал, девочка подозвала меня. Я подошел, сел около нее и показал ей птичку. Она гладила своими розовыми пальчиками ее голову и просила меня подарить ей ее. Я охотно согласился, и Нельда была в восторге.

– Пойдем, – сказала она, взяв меня за руку, – пойдем к отцу. Он даст нам чего-нибудь сладкого.

Она повела меня по лестницам и коридорам, пока не остановилась у слегка приотворенной дубовой двери. Заглянув сначала, она впустила меня в комнату, вид которой удивил меня.

Она освещалась одним окном, а на полу и на мебели были во множестве нагромождены книги и рукописи. За высоким столом сидел спиной к нам, склонив голову на руку, старший из двух рыцарей. Он читал открытую огромную старую книгу.

– Отец, отец, – кричала Нельда. – Посмотри, этот добрый мальчик подарил мне прелестную птичку. Его зовут Энгельберт. Дай мне чего-нибудь сладкого угостить его.

Услышав голос дочери, рыцарь обернулся, и я заметил, что он покраснел. Он поднялся со своего места и нагнулся ко мне, положив на мое плечо тонкую белую руку. Я увидел, что лицо его было очень печально, а глаза необыкновенно добры.

Через минуту он отвернулся со вздохом и, подойдя к сундуку, достал оттуда тарелку с засахаренными фруктами.

Подав ее Нельде, он сказал:

– Возьми и угощай своего нового друга.

Она не заставила повторять и, усевшись на груды старых книг, мы принялись за угощение.

После того, как мы полакомились, Нельда показала мне свои игрушки и все, что находила интересным.

– Что там? – с любопытством спрашивал я, указывая на толстые тома.

При этих словах, рыцарь, ходивший взад и вперед и наблюдавший за нами, остановился и сказал, улыбаясь:

– Очень хорошие и очень полезные вещи. Умеешь ли ты читать, Энгельберт?

– Нет, – отвечал я.

– А хотел ли бы ты научиться читать, узнать чужие языки, какие есть на земле места, кроме того, где ты живешь; понять, что делают с наступлением ночи звезды на небе; узнать пользу растений, чтобы делать из них лекарства, и, наконец, узнать, что делали люди, жившие до нас, иначе – историю народов.

Я слушал молча, тяжело дыша.

– Хочу ли, – вскричал я, наконец, в восхищении. – Конечно, хочу узнать все, узнать, что звезды делают на небе, а не лазить только по деревьям и разорять гнезда.

При моих восторженных словах лицо рыцаря озарилось улыбкой.

– Если ты так искренно желаешь, – сказал он, – приходи ко мне каждый день и узнаешь все. Но предупреждаю тебя, что надо много трудиться.

С этого дня я почти все время проводил около господина Теобальда, как приказал он называть себя; но позднее я узнал, что это не было его настоящее имя.

Вкусив прелесть чтения, я стал жить одними книгами, считая их самым драгоценным сокровищем.

* * *

Пока я учился, время летело стрелой. Я работал без отдыха, а рыцарь Теобальд был добрый, терпеливый учитель и радовался моим успехам. Латинский язык я выучил легко и принялся за изучение медицины и астрономии.

В свободные минуты я играл с Нельдой и одной маленькой сироткой, которую судьба привела в замок Рабенест.

В то время единственный сын моих приемных родителей возвратился домой серьезно больным, вследствие полученных ран. Он был солдат и женился в дальней стороне, но жена его умерла, и он привел с собою свою дочку Гертю, хорошенькую девочку, почти ровесницу Нельды.

Проболев несколько недель, бедняга умер, оставив ребенка на попечение стариков. Рыцарь Теобальд взял ее к своей дочке, чтобы играть с ней и прислуживать, но добрая Нельда смотрела на сироту с жалостью и обращалась с нею скорее, как с подругой, а не как со служанкой.

Характер Герты был совсем другой, чем у Нельды. Живая, капризная, порывистая, все принимавшая к сердцу, Герта странным образом привязалась ко мне. Я имел безусловное влияние на эту пылкую и непостоянную натуру; самые сильные порывы гнева у нее, случавшиеся очень часто, я останавливал одним строгим взглядом.

Более семи лет прошло спокойно, без сколько-нибудь значительных событий. Мне было 19 лет и я приобрел очень много познаний и хорошие манеры в обществе рыцаря Теобальда, который – что очень странно для человека его положения – никогда не выезжал из замка и никого не принимал.

* * *

Как раз в это время рыцарь Теобальд был очень обрадован неожиданным приездом гостя. Это был молодой человек высокого роста, которого у нас называли просто господин Эдгар. Но по его изящным и важным манерам видно было, что он высокого происхождения.

Он относился с большой приязнью к рыцарю Теобальду, своему родственнику или крестному отцу, и любовался Нельдой, тогда уже тринадцатилетней девочкой. Потом он предложил рыцарю отвезти ее к своей мачехе, чтобы показать ей свет и несколько исправить манеры, что необходимо для девушки ее происхождения.

Я скромно держался в стороне. Но однажды Эдгар сам заговорил со мною, и беседа наша была обоюдно интересна. С тех пор мы очень подружились.

Эдгар пробыл в замке более трех месяцев, и за это время мы так сошлись, что никакие испытания не могли поколебать наших отношений.

Однажды утром рыцарь Теобальд призвал меня в свою комнату и сказал, пожимая мою руку:

– Милый Энгельберт! Судьба благоприятствует тебе. Друг, известный тебе только под именем Эдгара, – старший сын графа Рувена, одного из могущественнейших вельмож страны. Он желает взять тебя с собою и создать тебе известное положение, и я могу только посоветовать тебе последовать за ним.

Я понял, что было бы безумием отказываться, и в один прекрасный день, храбро сдерживая слезы, я вскочил в седло и вместе с Эдгаром покинул старый замок, где провел мирные годы своей жизни.

* * *

В Рабенест Эдгара сопровождали только несколько старых воинов, но на дороге к гостинице его ожидала многочисленная свита с оруженосцами, и мы продолжали путь в сопровождении кортежа, достойного наследника Рувенов.

Многочисленные впечатления первого путешествия скоро изгладили тяжелые чувства, и я с нетерпеливым любопытством ожидал приближения к цели нашего странствования.

После последней остановки мы тронулись в путь с восходом солнца. Покачиваясь в седлах, мы беседовали, держась немного впереди нашего эскорта. Вдруг, за поворотом дороги, нашим глазам представилась великолепная картина.

Перед нами была долина, окаймленная лесистыми холмами. На одной скале, господствовавшей над всеми окрестностями, возвышались большие мрачные здания.

– Взгляни, – сказал мне Эдгар, поднимая руку. – Это аббатство святого Бенедикта. Монастырь богатый, целое маленькое герцогство; он вмещает пятьсот братьев, а какое положение!.. Там, удаленная от мира, возвышаясь над всеми человеческими слабостями, живет святая община, однако у преподобного настоятеля рука железная, тяжесть которой дает себя чувствовать во всей стране.

Я поднял голову и с любопытством смотрел на гордо возвышавшиеся на скале здания монастыря, окруженные высокими стенами.

Но, не знаю почему, вид этого монастыря произвел на меня тоскливое впечатление, какого я еще никогда в жизни не испытывал. Сердце мое тяжело стучало, и мне казалось, что один вид мрачного аббатства точно накинул черную завесу на мои юные и беспечные годы. Эдгар также опустил голову и казался погруженным в грустные мысли.

Молча продолжали мы путь.

Через несколько часов мы остановились у подъемного моста укрепленного замка Рувен, с башнями по бокам и окруженного рвами.

Когда узнали Эдгара, подъемный мост опустился, и я вступил в его владения, следуя позади молодого графа, небрежно отвечавшего на знаки почтения, которыми встречали его.

Мы сошли с лошадей, и оруженосец объявил Эдгару, что высокородные родители его обедают. Мы вошли в столовую, несколько напомнившую мне столовую в замке Рабенест, но богаче и лучше сохранившуюся.

Была осень, и камин жарко пылал; на почерневших деревянных украшениях стен красноватыми пятнами отражался огонь. Посреди зала стоял средних размеров стол с драгоценной посудой, за которым сидели трое в креслах с высокими спинками, украшенными гербами: то были дама, очень нарядная, рыцарь почтенного возраста с красивой, величественной наружностью и мальчик лет двенадцати.

– Добро пожаловать, сын мой, – сказал хозяин замка, вставая и горячо обнимая Эдгара.

В ту же минуту он увидел меня и остановил на мне удивленный и высокомерный взгляд. Я покраснел и первый раз в жизни почувствовал стыд не иметь имени, но Эдгар уже взял меня за руку.

– Отец, этот молодой человек мой друг, Энгельберт. Он желает сохранить инкогнито, но я ручаюсь тебе за его благородство.

– Этого достаточно, – сказал граф, дружески протягивая мне руку. – Садитесь, господин Энгельберт, и будем продолжать обед.

Эдгар поцеловал руку мачехи, обнял маленького брата и сел около меня.

Завязался оживленный разговор, очень скоро перешедший на астрологию, которую серьезно интересовался граф Гильдебранд фон Рувен. Я был очень сведущ в этом предмете, и моя беседа совершенно очаровала хозяина.

– Поздравляю вас, мой молодой друг, – сказал он мне, когда после обеда мы расположились у камина. – Вы – ученый, это редкость в ваши годы, особенно между людьми нашего круга, но знакомы ли вы с верховой ездой, умеете ли обращаться с копьём и шпагой? У нас будут турниры, – он улыбнулся, – надеюсь, вы пожелаете блеснуть перед дамами своей ловкостью и смелостью, так же как перед мужчинами умом и познанием?

Я покраснел и ничего не отвечал; умение обращаться с оружием, необходимое для благородного человека той эпохи, было мне совершенно незнакомо.

– Отец, – ответил вместо меня Эдгар, – вы видите, Энгельберт вел жизнь ученого, а не воина, но он еще так молод, что усиленно должен был пренебрегать одним для другого.

– Без сомнения, – ответил граф Гильдебранд, по-видимому, не удивляясь услышанному. – Этот вынужденный пробел в его воспитании легко пополнить. Предоставляю в ваше распоряжение свои конюшни и оружие, мой молодой друг. Старый Бертрам – учитель каких мало, и скоро научит вас всему, что должен знать рыцарь. Кроме того, мы часто будем охотиться, что очень здорово после утомления умственными занятиями и придаст гибкости вашему телу.

Я раскланялся, благодаря за такое внимание, а после ужина Эдгар отвел меня в мою комнату.

– Эдгар, – сказал я, когда мы остались вдвоем, – что ты сделал? Ты выдаешь меня за переодетого рыцаря, и я чувствую себя теперь виновным, точно вор и обманщик.

– Не вмешивайся в это, – возразил Эдгар, – я отвечаю за все. Ты не знаешь, кто ты, и, значит, можешь быть и отпрыском какого-нибудь знатного рода. Смелее, Энгельберт, все будет отлично, увидишь.

* * *

С этого дня жизнь моя стала такой деятельной и разносторонней, насколько раньше была серьезной и однообразной. Я охотился, ездил верхом, дрался на шпагах и упражнялся с копьем, приобретая скоро нужную ловкость и силу. Старый Бертрам был в восторге от моих успехов и не меньше моего радовался, когда мне удавалось его тронуть.

Иногда, в лунную ночь, мы забирались с графом Гильдебрандом на самую высокую башню, и я занимал его беседой, объясняя чудеса небосвода и странные отношения небесных светил к судьбе человека.

* * *

Эдгар, никогда не оставлявший раз задуманного намерения, сумел уговорить мачеху пригласить Нельду. Отправлен был посланец в замок Рабенест, и через семь месяцев после нашего приезда в замок Рувен прибыли Нельда с Гертой.

Мы были безмерно рады снова свидеться, и наш маленький кружок очень оживился присутствием милой молодой девушки, которая своим умом и кротостью покорила все сердца.

* * *

Однажды, когда мы сидели за обедом, звук рога известил о прибытии нового лица. Оруженосец доложил о графе Лотаре фон Рабенау с сыном.

Я вздрогнул, услышав это имя, так как это был владелец Рабенеста, и, когда он вошел, я тотчас узнал бледное лицо и черные глаза того молодого рыцаря, который сопровождал Теобальда в памятную ночь, когда тот прибыл в свои владения.

Рыцарь Рабенау мало изменился за эти восемь лет.

Он шел с величественным и беспечным видом, ведя за руку мальчика девяти или десяти лет.

Это был прелестный белокурый ребенок с тонкими чертами лица, почти женственными, с большими голубыми глазами и маленьким капризным ротиком.

Все, за исключением Матильды, встали навстречу вновь прибывшему; граф Лотарь любезно поцеловал руку хозяйки замка и дружески пожал руку графа Гильдебранда.

– Я привез вам сына, – сказал он, – своего наследника; словом, все, что у меня есть самого дорогого на свете, так как я еще не имел счастья раньше представить его вам и благородной даме, но Курт такой болезненный и слабый, что большею частью бывает дома.

Невыразимая отеческая любовь и гордость звучали в голосе и виднелись в ласковом жесте, когда он провел рукою по густым выющимся волосам ребенка.

– А! Эдгар, – сказал он, протягивая руку молодому графу. – Очень давно я не видел вас; вы стали совсем мужчиной, и вам недостает только рыцарских шпор.

Я чувствовал себя очень непокойно и был глубоко взволнован. А что, если граф выдаст мое настоящее положение? Несмотря на прошедшие годы, он мог узнать меня, и сердце мое замерло, когда взгляд его остановился на мне и точно приковался к моему лицу. Как и тогда, в глазах его сверкнуло странное беспокойство, и он почти с усилием отвернулся, когда Нельда сказала, представляя меня:

– Это Энгельберт, мой лучший друг.

Но граф уже овладел собою.

– Да, да, – произнес он, протягивая мне руку, – я помню, что уже видел вас, и очень рад увидеть снова.

Перед ужином граф фон Рабенау улучил минуту, когда очутился один около меня, чтобы прошептать, впери в мои глаза свой огненный взор.

– Услуга за услугу, молодой человек. Я знаю, кто такой Энгельберт, и удостоверю его благородное происхождение, но избави нас Бог вспомнить о Рабенесте, о его обитателе, отшельнике, и графе фон Рабенау, который провел там ночь. Итак, повторяю, молчание и услуга за услугу.

Я стоял изумленный, ничего не понимая. Я попал в какую-то таинственную историю и должен был хранить в тайне вещи, смысла которых не знал. Конечно, я чувствовал себя в зависимости от графа фон Рабенау, но и без этого я никогда не выдал бы рыцаря Теобальда, которого очень любил. По указанию Эдгара, я даже не говорил никогда о нем, и Нельда с Гертой также хранили по этому поводу самое глубокое молчание.

За ужином я с любопытством наблюдал за графом Рабенау. Хотя он не внушал мне ни малейшей симпатии, но я восхищался им и чувствовал себя добровольно покоренным могучим очарованием этого человека, который мог видеть у своих ног всех, на ком останавливался его властный, огненный взор. В настоящую минуту он казался непринужденно веселым; умная усмешка скользнула по его тонким правильным устам, а изящная, образная, остроумная речь, с неожиданными замечаниями, лились неудержимым потоком.

На другой день граф Лотарь простился и уехал с сыном, в сопровождении многочисленной свиты. Но еще много недель спустя я не мог забыть этого вечера и часто думал о странном и интересном человеке.

Здесь я должен высказать некоторые подробности и чувства, которые впоследствии послужили основанием для многих важных событий и перемен в жизни моей и моего друга.

Близко стоя к семье Рувен, я давно понял, что между Эдгаром и его мачехой существовала затаенная вражда, прикрываемая с обеих сторон притворной дружбой и снисходительностью.

Часто, когда Матильда не замечала, что за нею наблюдают, я видел непритворную ненависть, с какой она смотрела на Эдгара, а в глазах того загорался зловеший огонь, когда я произносил имя его мачехи.

Что касается меня, графиня при всяком случае выказывала мне самое большое благоволение. В то время меня по справедливости считали красивым молодым человеком; я был высок ростом и строен, с черными густыми волосами, большими стального цвета глазами; я сознавал эти свои преимущества, но, холодный по натуре, мало интересовался женщинами.

Однако Нельда своим прекрасным характером и редкой красотой покорила мое сердце и внушила мне страсть тем более сильную, что я старательно скрывал ее.

Сначала я, как художник, любовался ее классически правильными чертами, большими ясными глазами, высокой, гибкой фигурой, восхитительно пропорциональной.

Несмотря на шестнадцать лет, Нельда продолжала обращаться со мною как с другом детства; часто проводили мы целые часы в дружеской беседе, и любовь закралась в мое сердце.

Герта, бывшая по-прежнему подругой и наперсницей Нельды, также развилась и сделалась высокой молодой девушкой, с черными глазами, бронзового цвета лицом. Ее пикантная красота составляла совершенный контраст с беленькой белокурой Нельдой. Она тоже считала себя моим другом детства, и ее огненные глаза всюду следовали за мной, хотя по положению своему ей следовало быть более сдержанной.

* * *

Однажды вдвоем с Нельдой мы беседовали о приготовлениях к большому турниру, на который великий герцог приглашал всю высшую знать.

Семейство Рувен также отправлялось туда, так как Эдгар, год тому назад возведенный в рыцари, хотел участвовать в бое на копьях, а Нельде в первый раз предстояло появиться в ложе графини Матильды.

Мною овладело ревнивое чувство при мысли, что такое множество людей увидят любимую мною девушку.

– Да, Нельда, – с горечью говорил я, – я предвижу то, что может случиться. Вы увидите на турнире много красивых рыцарей, которые будут любоваться вами, со временем вы сделаетесь женою одного из них, и пробьет час нашей разлуки.

– Я выйду только за того, кого полюблю, – отвечала Нельда, опустив голову.

– Без сомнения, – согласился я. – Но вы увидите и полюбите. На этом празднике соберутся самые богатые и знатные рыцари.

– Нет, нет, – вскричала она, – я уже люблю.

Сердце мое готово было разорваться, так сильно оно билось. Кого могла она любить? Может быть, Эдгара? Он красив, обольстителен; он – знатный юноша.

Мысли мои путались; я схватил руку Нельды и спросил ее голосом, прерывавшимся от волнения:

– Кого? Кого ты любишь? Имя его, Нельда, скажи мне его, дружба моя заслуживает твоего доверия.

Яркая краска покрыла ее лицо; потом она подняла на меня свои ясные глубокие глаза и сказала, улыбаясь:

– А если бы это был ты, Энгельберт, захотел ли бы ты взять меня в жены?

Я думал, что вижу сон; я прижимал ее к своему сердцу в порыве безумного счастья, и мы говорили друг другу слова любви, клянясь в верности до самой смерти.

Это был час опьяняющего восторга. Эти минуты, самые счастливые в моей жизни, были пробуждением моей души, которой через немного времени предстояло погрузиться в отчаяние.

Бедное слепое сердце, ты не предвидело, что скоро твои надежды заглохнут в стенах монастыря, и что твое бессильное озлобление будет искать выхода во всевозможных преступлениях.

С того дня реальность не существовала для меня; я жил в мире фантазии, полном мечтами о будущем и дивными надеждами.

Я был слишком занят собою, чтобы обращать внимание на окружающее, но наконец должен был заметить, что Герта странным образом изменилась: бледная, задумчивая, молчаливая, она избегала моих взглядов и моего присутствия.

Предполагая у нее какое-нибудь тайное горе, я выказывал ей любви и нежности более прежнего; потому что, счастливый сам, я хотел, чтобы все были счастливы.

* * *

В самый вечер объяснения с Нельдой, я признался Эдгару в своей любви; он выслушал меня с обычным вниманием, обещал помощь и поддержку, когда они мне понадобятся, и, в свою очередь, поверил мне серьезные заботы, которые начинали омрачать его жизнь.

Он также любил и был любим, но обстоятельства не позволяли ему открыто объявить свой выбор.

Барон фон Фалькенштейн, отец его невесты, был человек жестокий и несговорчивый, питал старинную неприязнь к семье фон Рувен, и Эдгар подозревал опасного соперника в одном рыцаре, часто бывавшем у нас.

Этот молодой человек, племянник графини Матильды, был Ульрих фон Вальдек. Несмотря на большое богатство, его ненавидели в стране за скупость, гордость до дерзости и безнравственность. Внешность его была такая же отталкивающая, как и душа: высокий, дурно сложенный, лицо в прыщах и окаймленное рыжими волосами: он смертельно ненавидел Эдгара, в душе завидуя, конечно, его красивой наружности.

Позднее только я узнал во всех подробностях интриги, орудием которых являлся этот человек. С энтузиазмом влюбленного Эдгар описывал мне редкую красоту Марии и ее ум; он показывал мне стихи, сочиненные ею.

Помимо беспокойства, причиняемого соперничеством Вальдека, у Эдгара были заботы, порожденные враждою со стороны мачехи.

С некоторого времени с разных сторон ему внушали отказаться от наследства в пользу младшего брата и поступить в бенедиктинский монастырь, обещая ему в будущем настоятельское место. Но такая перспектива мало привлекала молодого рыцаря, жаждавшего жизни и любви; он нимало не сомневался, что этот прекрасный план был делом его мачехи, так как, сгорая от нетерпения привести его скорее в исполнение, она за несколько дней перед тем выдала себя.

Во время одного продолжительного разговора она попыталась сама убедить Эдгара сделаться монахом; он же, возмущенный подобной дерзостью, отказался наотрез и объявил, что далек от мысли уйти в монастырь и намеревается жениться, будучи уверен, что отец согласится с ним.

* * *

Прошло несколько дней после наших взаимных признаний, как однажды утром Эдгару доложили о приходе какого-то человека, оказавшегося посланным от Марии фон Фалькенштейн, который передал ему от имени молодой баронессы, что отец объявил ее невестой Вальдека. Она отказалась, заявив, что ее жених – Эдгар; барон ответил грубым смехом и приказанием готовиться к браку, который состоится, не смотря ни на что.

Эдгар был вне себя от гнева, он приказал седлать лошадь, чтобы отправиться к сопернику и с оружием в руках потребовать удовлетворения. Видя его сильное возбуждение, я не хотел отпустить его одного и поехал с ним.

Рыцарь Ульрих принял нас в столовой, окруженный веселой компанией. Едва завидев Эдгара, он дерзко воскликнул.

– Я знаю цель вашего посещения, граф фон Рувен, но вы напрасно беспокоились; у меня есть слово отца и прекрасной Марии, и она будет моей женой.

– Никогда, – возразил Эдгар, бледный от гнева и обнажая меч. – Я сумею помешать вам в этом.

– Каким образом? – захохотал Ульрих. – Не думаете ли вы похитить мою жену?

– Да, если это потребуется, – отвечал Рувен, вне себя. – Но не оставляю ее в вашей власти. Я убью вас, как собаку, вероломный рыцарь, который навязывает себя женщине вместо того, чтобы защищать ее.

Окинув презрительным взглядом все общество, он вышел, а я за ним. Мы направились к своему дому, потому что было бы безумием пытаться проникнуть к барону Фалькенштейну.

Эдгар был ужасно раздражен и единственную надежду возлагал на турнир. Там при герцоге и всей знати, он хотел вызвать Ульриха на смертельный бой. Я так искренно сочувствовал горю своего друга, что почти забывал собственные сердечные дела.

Наконец наступил столь нетерпеливо ожидавшийся день, который обещал тысячам людей много радостей, а меня заставлял терзаться самыми зловещими предчувствиями. Я расстался с Эдгаром только, когда он отправился верхом на ристалище, но пока его снаряжали, я с беспокойством заметил внезапную и страшную бледность, появлявшуюся иногда на его лице.

– Не болен ли ты? – спрашивал я.

– Нет, – отвечал Эдгар. – Голова немного тяжела, но достаточно будет увидеть Вальдека, чтобы недомогание это прошло.

Затем он сел в седло, а я вошел на трибуну графини Матильды.

Не имея ни имени, ни общественного положения, я не мог принять участие в турнире. Я поместился за Нельдой, которая была хороша, как ангел, в платье голубой парчи, с жемчужными нитками в белокурых волосах. Мы обменялись влюбленным взглядом, а затем я принялся рассматривать восхитительную картину, окружавшую меня.

Покрытые коврами трибуны с развевавшимися над ними флагами были переполнены знатным обществом; дамы сверкали драгоценными камнями; а на ристалище и у барьеров толпились во множестве пажы и оруженосцы в разноцветных платьях, рыцари в блестящем вооружении, кони которых в роскошных пополах нетерпеливо ржали. Эдгар стоял в стороне, потому что рыцарь Вальдек еще не прибыл.

Когда герцог с семейством заняли свои места в ложе с украшенным гербом балдахином, состязания начались.

Уже прошло несколько незначительных боев, когда вдруг у барьера, в сопровождении нескольких рыцарей, появился Вальдек, покрытый пылью, на взмыленной лошади; он бросился к щиту Эдгара и, сильно ударив его копьем, вызвал моего друга, громогласно обвиняя в похищении его жены, которая исчезла, захваченная людьми, один из которых потерял шарф цветов дома Рувен; он прибавил к этому, что молодой граф грозил ему этим похищением в его собственном замке и при свидетелях.

Эдгар энергично отвергал такой поступок, недостойный рыцаря. Вальдек повторил свое обвинение. Герцог был в нерешимости, когда Ульрих вскричал громовым голосом:

– Так как рыцарь фон Рувен упорно отрицает, я призываю Божий суд. Я вызываю его и верю, что по воле Божией восторжествует правда, а не ложь и преступление.

Лихорадочное волнение овладело собранием. Во всех рядах шептались. Понятно, какие тревожные чувства переживались в нашей ложе. Граф Гильдебранд оставил трибуну и направился к сыну, а я инстинктивно сосредоточил все внимание на графине Матильде.

Яркая краска покрывала ее щеки; глаза блестели, и губы нервно кривились; она схватила руку сына и сжимала ее.

Смутное подозрение сжало мое сердце, и я со вздохом вышел, чтобы присоединиться к другу. Он был спокоен и сказал, сжимая мою руку:

– Я не виновен, и потому должен победить. Но что сделали они с моей бедной Марией?

Тем временем герольды приказали очистить ристалище, водрузили два флага, и объявили имена борющихся и условия борьбы. Должны были сражаться на мечах и в полном вооружении.

Я вернулся на трибуну, но сердце мое готово было разорваться в ожидании предстоявшего страшного боя.

Герцог, любивший и уважавший графа Гильдебранда, послал одного из пажей пригласить его в герцогскую ложу, чтобы из нее наблюдать за поединком.

По данному сигналу бойцы стали друг против друга. Они составляли полный контраст между собой; Ульрих, большой, неуклюжий, с руками великана; Эдгар, тонкий, стройный, но гибкий и очень ловкий.

По знаку герцога, противники ринулись друг на друга. Я прерывисто дышал, не способный даже молиться за своего друга и в таком состоянии, словно зачарованный, следил за потрясающим зрелищем.

Вначале бой казался равным с обеих сторон, но было очевидно, что Вальдек хотел утомить Эдгара, так как он отражал удары и затягивал схватку всевозможными обманными маневрами, которые должны бы были держать противника настороже, но нервный и горячий, Эдгар проявлял все более и более нетерпения. Он бросился вперед и завязался ожесточенный бой.

Вокруг царила мертвая тишина, слышен был только лязг оружия, и кровь противников лилась, обагрняя песок. Но Вальдек вдруг напал и ударил Эдгара с такой силой в грудь, что тот закачался и упал на одно колено. Ульрих воспользовался этим моментом, чтобы выбить у него из руки меч. Был ли Эдгар оглушен или ранен? Все равно, но он ослабевал. Вальдек бросился на него и опрокинул.

Со всех сторон раздался крик ужаса. Ульрих уперся коленом в грудь побежденного, который лежал распростертый, без памяти, и, занеся свой меч, обернулся к герцогу, единственному теперь распорядителю жизнью или смертью молодого человека. Эдгар, по законам того времени, побежденный на судебном поединке, терял имя, дворянство и права наследия.

Настало мертвое молчание. Все были поражены: старый граф фон Рувен сидел с блуждающим взором и бормотал бессвязные слова; взволнованный герцог сжал руку несчастного отца и громко произнес слово помилования.

Эдгара, все еще в беспамятстве, унесли, но праздник после такой печальной помехи, казалось, потерял свою привлекательность. Герцогская семья покинула трибуну, а взволнованные рыцари и зрители разошлись. Руваны также направились в свое поместье; один граф Гильдебранд остался, чтобы сопровождать печальный кортеж в монастырь бенедиктинцев, куда понесли Эдгара.

Я был в отчаянии от ужасного состояния своего друга и с нетерпением ожидал известия о нем, не сознавая в своей глубокой тоске, желать ли Эдгару жизни или смерти. Графиня приотворялась огорченной, но я не видел у нее ни одной слезы.

Только через несколько дней старый граф возвратился домой изменившийся, постаревший. На вопросы мои он отвечал печально:

– Эдгар болен смертельно; однако добрый монах, ухаживающий за ним, надеется спасти его. Конечно, он погиб для мира, но монахом он может жить, а мое отеческое сердце довольно слабо и эгоистично для того, чтобы желать этого. Я сделаю все возможное, чтобы доказать его невиновность, так как я уверен в ней.

* * *

Время проходило тоскливо.

Мне не разрешали свидания с Эдгаром; граф один навещал его, он сообщил мне, что жизнь его вне опасности, но состояние души не поддается описанию.

Наследником имени, титула и состояния Рувенов был теперь Альберт, младший брат моего несчастного друга, и Матильда была в восторге; с трудом ей удавалось притворяться несколько огорченной в присутствии мужа.

Ее явная радость сжимала мне сердце, а мысль открыть истину относительно похищения жены Вальдека преследовала меня день и ночь. Дело было трудное, требовалось много времени и искусства, и все планы, задуманные мною, были непригодны.

Я задумал тогда посоветоваться с графом фон Рабенау; я видел его несколько раз, и всегда меня поражали его проницательный ум, правильность взгляда.

Я отправился в его замок, а так как дело Рувена было у всех на устах, то мне не стоило ни малейшего труда направить разговор на этот предмет и поделиться моими планами.

– Вот что я посоветую вам, – сказал, подумав, граф фон Рабенау. – Не пытайтесь проникнуть в замок Вальдека: там все забаррикадировано, как в ожидании осады: у старика Фалькенштейна также. А отправьтесь в одну гостиницу на границе аббатских земель; она называется «Вечерняя Звезда» и пользуется довольно дурной репутацией. Хозяйка по имени прекрасная Берта – женщина смелая, алчная и очень податливой совести; за деньги она готова душу продать. У нее есть любовник Бертрам, пьяница и скандалист, каких мало; человек этот, претендующий на какое-то знатное происхождение, друг Вальдека и имеет доступ в оба замка. Если вы склоните его на свою сторону, он даст вам все нужные сведения; но Бертрама можно купить только через Берту; предложите ей денег; у нее их всегда мало. Граф фон Мауффен, который, как говорят, навещает ее, очень скуп.

Я поблагодарил Рабенау за превосходный совет и на другой же день отправился к прекрасной Берте.

Гостиница «Вечерняя Звезда» было мрачное, ветхое здание, окруженное конюшнями и расположенное на перекрестке у опушки большого леса.

Привязав лошадь у ворот, я вошел в обширную залу. Там находились несколько мужчин подозрительного вида; женщина, еще красивая, с резкими чертами лица и черными волосами, прислуживала гостям, и помогал ей большой толстый малый.

Я подошел к хозяйке – а это была сама прекрасная Берта, и, обменявшись несколькими словами, сказал, что хочу переговорить с ней наедине.

– Я к вашим услугам, сударь, – ответила она. – Гаспар, следи, чтобы гостям все было подано.

Она провела меня в маленькую комнату.

– Чем могу служить вам? – спросила она, пристально глядя на меня своими черными, дерзкими глазами и подвергая строгому обзору мое платье.

– Я хочу, – отвечал я без всякого предисловия, – чтобы вы познакомили меня с неким Бертрамом, другом рыцарей Вальдеков и Фалькенштейнов.

– Что вы желаете от меня? – спросила подозрительная Берта.

– Услугу. Я обращаюсь к вам, потому что слышал, будто вы имеете на него огромное влияние. В состоянии ли вы заставить его изменить своим двум друзьям, если это понадобится?

Берта хлопнула себя по бедрам и с грубым смехом сказала:

– Эта тряпка безумно влюблен в меня. Если я прикажу, так он изменит не двоим, а десятком друзьям. Только, – прибавила она, подмигнув, – я должна быть уверенной, что стоит приказывать.

В деньгах у меня недостатка не было; Эдгар снабдил меня ими; а перед турниром подарил мне ящик с порядочной суммой золота.

«На случай моей смерти», – сказал он, сжимая мою руку.

Я достал из кармана полный кошелек и положил на стол; при виде его женщина преобразилась.

– Приказывайте, сударь, – проговорила она униженно заискивающим тоном, низко кланяясь мне. – Убить ли или ограбить кого – я к вашим услугам.

В эту минуту в зале раздался грубый голос.

– А, это он сам, мой милый Бертрам, – сказала Берта, – подождите меня здесь, я переговорю с ним.

Через некоторое время она вошла с толстым человеком большого роста, в поношенном платье и длинном плаще. Лицо его с рыжеватой бородой носило следы пьянства. Он поклонился мне, потом опустился на скамью, шумно дыша.

– Милый Бертрам, – сказала Берта. – Господин этот просит у тебя одной услуги, за которую даст тебе кошелек такой же, как ты видишь на столе, полученный мною от него только за знакомство с тобою.

«Черт возьми! – подумал я. – Ловкая женщина». Но, чтобы узнать правду, я готов был заплатить второй раз.

Субъект бросил быстрый взгляд на кошелек, которым играли толстые пальцы хозяйки, и лицо его просияло.

– Благородный господин, – произнес он, униженно кланяясь, – позвольте представиться вам. Я Бертрам фон Эйленгоф. Располагайте моим мечом и головой, которыми пренебрегать не следует.

Берта скрылась, и мы стали говорить откровенно. Поторговавшись еще о сумме, которую я должен был заплатить Эйленгофу, он обещал доставить мне все требуемые сведения, и получить их я мог в гостинице «Вечерняя Звезда».

Я вернулся домой очень довольный, но ничего не сказал старому графу о своих надеждах, желая заручиться сначала доказательствами.

* * *

Прошло несколько месяцев. Два раза я понапрасну был у Бертрама: он рассказал мне только, что Ульрих фон Вальдек очень гордился своей победой над Эдгаром и готовился к очень пышному турниру, которым герцог намеревался вознаградить знать и народ свой за состязания, так печально окончившиеся судебным поединком. Я уже слышал об этом празднике, на котором никто из членов семьи Рувенов не желал присутствовать.

Когда же я явился в третий раз в гостиницу, Бертрам встретил меня с торжествующим видом: он узнал все.

Мария, которую действительно принудили выйти за Вальдека, содержалась пленницей в замке своего отца; Ульрих посещал ее каждый день, но тайком, так как всеми силами скрывал присутствие молодой женщины.

Золотом заплатил я за эти сведения и предлагал Бертраму устроить бегство Марии. Я хотел, чтобы она появилась на турнире и заявила герцогу, что никогда не была похищена, а что отец силою выдал ее замуж и держал в плену у себя в замке.

Я был уверен, что молодая женщина сделает все на свете, чтобы восстановить честь Эдгара, но ей надо быть свободной, чтобы иметь возможность свободно говорить и разоблачить всю интригу, так как заточение ее у старого Фалькенштейна ничего еще не доказывало.

Я был полон надежды и радости, когда однажды утром мне принесли письмо от Эдгара, взволновавшее меня до глубины души.

Энгельберт, – писал он, – ты имеешь полное право презирать меня, потому что я еще жив и произнес обет, но я остался жить только для того, чтобы мстить. Внутренний голос говорит мне, что это удастся. Подобно кроту, я пророю себе подземный ход; дойду до этого негодяя и заставлю его умереть такою смертью, что сами демоны ада позавидуют моей выдумке. Одна эта надежда и поддерживает мое жалкое существование.

Не проси у меня свидания. Я хочу увидеться с тобой только после того, как наслажусь мучением моего смертельного врага и буду держать в руках его сердце.

Эдгар-Бенедиктус.

Сердце мое болезненно сжалось. Обеление Эдгара наступало слишком поздно. Но чего бы это ни стоило, надо было доказать его невиновность и, хотя бы этим путем, утешить разбитое сердце моего бедного друга.

Через несколько дней Бертрам объявил мне, что побег Марии дело решенное; она скроется переодетая горничной.

Тогда только я сообщил обо всем графу фон Рувен, и он с признательностью прижал меня к своему сердцу.

– Бедный сын мой, – сказал он, – не в состоянии более драться сам, но по крайней мере я могу вызвать этого подлого Вальдека.

Получив от Бертрама условленное послание, я отправился в гостиницу и нашел там Марию; она объявила мне, что для Эдгара готова на все и перед всеми разоблачит недостойное поведение своего отца и мужа. Бертрам тайно проведет ее на место турнира, где она появится в нужный момент.

Графиня Матильда очень удивилась внезапному решению мужа присутствовать на турнире, но так как, несмотря на ее возражения, он настаивал на своем, то ей пришлось сопровождать его.

Утром того дня, когда должны были начаться состязания – через день после побега Марии, – Бертрам прибыл с молодой женщиной. Граф фон Рувен принял ее и отвел сначала к герцогу, которому она открыла истину, а затем в ложу своей жены, где Мария поместилась с опущенным вуалем, чтобы раньше времени не быть узнанной.

Очевидно, оба сообщника не знали еще о побеге Марии.

Я знал от Бертрама, что они покинули замок днем раньше, и барон Фалькенштейн спокойно сидел в ложе, готовый любоваться подвигами своего зятя, который в блестящем вооружении гарцевал по ристалищу, не боясь самых отважных рыцарей.

Когда герцог занял свое место на трибуне, граф фон Рувен появился на арене и вызвал Вальдека, обвиняя его в предательстве, вероломстве и кощунстве, выразившемся в том, что он осмелился обратиться к суду Божьему, для доказательства будто бы правдивости своего заявления о похищении жены, тогда как барон Фалькенштейн держал ее у себя в плену. Услыша такие обвинения, рыцарь Ульрих вздрогнул и хотел говорить, но герцог с презрением сказал:

– Я знаю все, – и указал на ложу графини фон Рувен, где стояла Мария с поднятым вуалем и наклоном головы подтвердила все обвинения против мужа.

Противники разошлись по своим палаткам, чтобы подготовиться к поединку; но граф фон Рувен появился один на ристалище. Тщетно три раза герольд вызывал рыцаря фон Вальдека, он не шел. Тогда послали за ним конюшего, но тот вернулся испуганный и доложил, что палатка пуста и рыцарь Ульрих бесследно исчез.

После этого граф фон Рувен приблизился к ложе бесчестного барона Фалькенштейна, прикрывавшего всю эту ложь, и, бросив ему в лицо железную перчатку, сделал вызов.

Барон встал, вне себя от гнева, и объявил, что принимает вызов.

Не буду описывать подробности боя, но барон, сангвиник и тучный человек, расслабленный невоздержанным образом жизни и отвыкший от обращения с оружием, быстро ослабел; получив удар от Рувена, он оступился и упал. Победитель бросился на него, уперся коленом в его грудь и вонзил кинжал в горло. Затем, вырвав окровавленное оружие, граф закричал громким голосом:

– Вероломный мертв! Я омыл честь моего сына!

Слова эти были встречены самыми горячими возгласами. Шарфы и цветы летели в сторону графа, и все зрители были радостно возбуждены. Никто не сожалел о его подлом против-

нике, и одна бедная Мария упала в обморок, увидав отца умирающим, но в общем возбуждении этот случай едва заметили.

Желание как можно скорее объявить Эдгару о восстановлении его доброго имени не давало мне покоя. Я воспользовался моментом, когда общее внимание было обращено на герольда, обходящего арену и троекратно возвещавшего:

– Высокий и могущественный граф Эдгар фон Рувен чист от всякого подозрения и восстановлен во всех своих правах.

Выйдя из ложи, я вскочил на лошадь и во весь дух помчался по дороге в монастырь.

* * *

Через несколько часов я остановил покрытую пеной лошадь перед высокими, мрачными воротами Бенедиктинского монастыря и дернул звонок; раздался пронзительный звук, действовавший мне на нервы. Слышать часто этот шипящий звон должно быть пыткой... Увы! Я не знал тогда, что мне придется привыкать к нему.

Звон ключей возвестил мне приближение брата-привратника, и в калитку выглянуло сухое, суровое лицо старого монаха.

Я ответил на его вопросы, что желаю переговорить с братом Бенедиктусом, в мире графом фон Рувен.

– Для этого нужно разрешение настоятеля, – возразил привратник. – Войдите и следуйте за мною к Его преподобию.

Он отворил массивную дверь, и мы пошли по мощеному двору; отворилась вторая дверь, и мы стали подниматься по винтовой лестнице.

Я чувствовал себя нехорошо; меня давили эти темные своды, длинные коридоры, слабо освещенные высокими готическими окнами, узкими, как бойницы. Нам встретилось несколько черноризцев, вид которых еще более усилил сжимавшую мое сердце тоску.

Наконец проводник мой остановился перед дверью точеного дуба и тихонько постучал в нее. Немедленно дверь приотворил послушник, выглянул в нее и, узнав в чем дело, тотчас исчез. Через несколько минут дверь снова распахнулась, послушник сделал мне знак следовать за ним и провел меня через многие комнаты в небольшую залу, посреди которой стоял богато сервированный стол; в кресле с высокой спинкой сидел человек, довольно полный, с золотым крестом на шее, и обедал. Это был настоятель.

Я почтительно подошел под его благословение, а он справился о цели моего посещения.

В его лице не было ничего замечательного, но оно казалось добродушным и простым. Одаренный от природы верным глазом, я заметил, однако, на этом ласковом лице резко обрисованный рот, который выражал железную волю; в полузакрытых глазах его таилась хитрость и жестокость.

Пока я в изысканных выражениях объяснял желание видеть графа Эдгара, настоятель играл своим золотым крестом, но, услышав его имя, воскликнул:

– Вы хотите сказать брата Бенедиктуса, сын мой? Этот драгоценный член нашей общины, которого я особенно люблю за его усердие и благочестие, совершенно отказался от всяких мирских привязанностей и пустых земных отличий.

Когда я объяснил ему о реабилитации Эдгара, аббат скрестил руки, поднял глаза к небу и произнес с умилением:

– Я предвидел это. Невинность всегда торжествует.

Затем он разрешил мне просимое свидание, и брат провел меня в одну из комнат, которыми я проходил, идя к настоятелю.

– Потрудитесь обождать здесь, – сказал монах. – Я предупрежу брата Бенедиктуса.

Оставшись один, я подошел к окну, и чудное зрелище представилось моим глазам.

С этой высоты, как с птичьего полета, видно было на несколько верст; внизу, под горою, лентой извивалась дорога, а вдали виднелась черная масса башен замка Рувен.

Я вздохнул над такой насмешкой судьбы, которая, лишив всего несчастного Эдгара, поместила его так, чтобы он мог всегда видеть замок своих предков и свои утраченные владения.

Я обернулся на шум отворившейся двери, но с трудом узнал Эдгара в бледном монахе, стоявшем у входа. Он очень изменился и в этой длинной черной рясе казался выше и худее, нежели в рыцарской одежде.

С радостным криком бросились мы в объятия друг друга. Эдгар был очень взволнован; я видел это по сильному биению сердца, вздымавшего его грудь.

– Друг, – сказал я, высвободившись из его объятий и сжимая обе его руки, – я принес радостные вести. Ты оправдан, все права возвращены тебе; сегодня на турнире все открылось.

При этих словах лицо Эдгара смертельно побледнело; он пошатнулся и удержался за косяк окна.

– Оправдан? – повторил он. – Слишком поздно!

Но вдруг он порывисто схватил мою руку и прошептал, задыхаясь:

– Энгельберт, я оправдан, а между тем погиб, связан. Взгляни на эти нерасторжимые оковы, которые я всюду влачу на себе!..

Голос его оборвался и, схватив обеими руками свою черную рясу, он потряс ею, словно намереваясь сорвать.

Я онемел перед бурей, бушевавшей в душе Эдгара; грудь его тяжело вздымалась, лицо было искажено, а в глазах горел целый ад пытки и бешенства. Наконец он тяжело опустился на подоконник и охватил голову руками.

Я не смел прервать наступившего молчания, как вдруг Эдгар поднял голову. Выражение лица его изменилось: холодная жестокость сменила бешенство; глаза горели неестественным возбуждением.

– Мщение осталось мне, – произнес он, положив руку на мое плечо. – Уж я постараюсь, чтобы враги мои помнили обо мне. Бедный и лишенный прав, я хотел наказать их по заслугам; теперь оправдание мое поможет мне уничтожить их.

В эту минуту на пороге появился настоятель; его пронизательный взгляд остановился на Бенедиктуса, который тотчас смолк и опустил голову.

– Сын мой, я пришел поздравить тебя, – сказал он, – и вместе напомнить слова Господа: «Мне – отмщение! Не забывай этого, сын мой, и не предавайся мирским страстям».

В то же время он простер к Бенедиктусу руки, и тот с жаром бросился в его объятия.

Монах этот лгал, я был в этом уверен; нежность его не была искренна. Он и Эдгар обменялись каким-то странным взглядом, точно два сообщника. Что бы это значило?

Так как аббат удостоил нас своим обществом, то я вскоре простился и, задумчивый, возвратился в замок.

Я убедился теперь, что настоятель – большой хитрец; его влияние в округе было известно. Он всюду пускал в ход свои интриги, выбирая орудием их молодых и покорных людей. Эдгар был очень умен, но несчастлив и доверчив к такому ловкому и хитрому человеку, как отец Антоний. Надо было подумать, как предупредить его.

Я возвратился в замок уже к ночи; войдя в свою комнату, я вздохнул полной грудью и почувствовал облегчение, что не вижу более мрачные своды монастыря.

* * *

На следующий день я отправился к Нельде, и мы говорили о последних событиях.

Она рассказала мне, что после моего отъезда Мария умоляла герцога разрешить ей вернуться в замок Фалькенштейнов и перевезти туда тело отца, чтобы почтно похоронить его; милость эту герцог оказал ей. Дальше Нельда с ребяческой гордостью передала мне, что герцог говорил ей много о ее красоте и открыто выказывал ей внимание. Меня неприятно поразило, что герцог восхищался красотой дамы моего сердца; он женат и уже не молод, но в тоже время известен своими любовными похождениями.

Мною овладело смутное беспокойство, и я более чем когда-либо был огорчен, что не имел имени и будущности. Мысль узнать тайну своего рождения не покидала меня.

Старый сторож замка Рабенест и жена его, конечно, не были моими родителями, но кто поручил им меня? Я помнил также впечатление, произведенное мною на двух рыцарей в ночь прибытия Теобальда. Он, может быть, знает истину? Наконец, я не в состоянии был далее терпеть и решился съездить в Рабенест, чтобы добиться тайны своего рождения.

* * *

Под предлогом богомолья, я простился со всеми, получив от Нельды, которая одна знала правду, поручение расцеловать отца.

После быстрого и утомительного путешествия, я остановился однажды вечером у старой башни, где провел детство. На мой крик хорошо знакомый голос приемного отца ворчливо спросил:

– Кто там?

– Это я, – отвечал я, смеясь. – Разве я приехал не вовремя?

Старик выбежал сияющий в сопровождении конюшенного мальчика.

– Энгельберт, дрянной мальчишка! Отчего ты не сразу назвал себя? – говорил он, сжимая меня в объятиях, и повел в комнату, где мать Бригитта встретила меня также со слезами радости.

Когда прошло первое волнение встречи, я передал старикам подарки от себя и Нельды, а сам отправился к Теобальду. Нетерпение мое было так сильно, что мне казалось невозможным откладывать мои расспросы до утра.

Старый рыцарь принял меня с прежней отеческой добротой, похвалил мою наружность, потом расспросил обо всех. Я вкратце рассказал ему ужасные события последних месяцев и прибавил, что путешествие мое в Рабенест имеет целью выяснить, наконец, мое происхождение и узнать имя моих родителей.

При этих словах, Теобальд изменился в лице и закрыл глаза рукою; я увидел его волнение и, схватив его руку, сказал:

– Сударь, вы знаете, кто я. Именем Господа Бога умоляю нас сказать мне правду.

Я остановился, потому что сердце мое сильно билось. Я стоял, как перед опущенной завесой: что откроет она мне, когда ее поднимут?

Я горячо сжимал руку рыцаря, который был погружен в свои мысли и не отвечал мне ничего. После молчания, показавшегося мне вечностью, он открыл лицо, ставшее очень бледным, и сказал с грустью:

– Да, сын мой, я знаю твое происхождение, но не спрашивай меня, ты не узнал бы ничего хорошего или утешительного.

Желание узнать правду пересиливало во мне все другие чувства.

– Откройте мне все, – повторял я. – Я предпочитаю наихудшую истину терзающей меня неизвестности и разным предположениям, в которых я теряюсь. Когда я появился на свет, меня не хотели потерять бесследно из вида, так как на моей руке есть отпечаток герба. Значит, кто-то интересовался моей судьбой и отметил меня, чтобы я не затерялся в толпе.

Теобальд встал, прошелся несколько раз по комнате, потом, скрестив руки, остановился перед камином и пристально смотрел на пламя. Он казался в нерешимости и тяжело вздыхал.

Я в волнении следил за ним, как вдруг безумная мысль мелькнула в моем помутившемся мозгу: не сам ли Теобальд мой отец? Он был взволнован, когда говорил о моем происхождении; он всегда обращался со мною с отеческой нежностью, и невольно глаза мои пристально всматривались в высокую и видную фигуру рыцаря, освещенную огнем камина, с его благородным профилем и седеющей бородой. Мысленно сравнивал я его лицо со своим: положительно, между нами было фамильное сходство.

Мысли мои были прерваны Теобальдом, который, сев около меня и проведя рукою по лбу, сказал мне:

– Слушай же, если ты этого так желаешь, но не перебивай меня и не делай никаких предположений. В конце моего рассказа ты узнаешь все.

Он собрался с духом и начал.

– Имя, под которым ты меня знаешь, Энгельберт, не принадлежит мне. Я Бруно, граф фон Рабенау, законный владелец титула и владений, связанных с этим именем; но я умер в глазах света, и богатый мраморный памятник указывает место моего упокоения. Мой племянник Лотарь унаследовал мое состояние; я искренно люблю его, и он достойный представитель моего рода.

Но было время, когда я с гордостью носил имя моих предков и с удовольствием пользовался всеми привилегиями его. Позднее я увидел у брата моего (годом моложе меня, но уже женатого) его невестку Розу; тогда я оценил также и свое богатство, потому что молодая девушка была бедна и жила у сестры.

Я безумно влюбился в это очаровательное создание, а она, увы, была прекрасна только наружно...

Свадьба наша была отпразднована с большим великолепием, но счастье мое было кратковременно; я скоро убедился, что Роза не любила меня так, как я надеялся быть любимым, и искала всякого случая отдалиться от меня. Особенно часто она предпринимала путешествия в монастырь урсулинок, где одна из ее подруг была настоятельницей; так часто, что это стало казаться мне подозрительным. Аббатиса, мать Варвара, была молодая женщина лет двадцати трех, выбранная, как тогда говорили, по протекции герцога. Она не нравилась мне, но я не имел никакого основания мешать ее отношениям с Розой, так как за ней прочно установилась репутация строгой добродетели.

Проходили годы, я так же был влюблен в жену, и мы ожидали рождения Нельды, как неожиданные важные дела заставили меня оставить Розу на несколько недель.

На этом месте рассказа, граф остановился на минуту; я слушал, приковав взор к его устам, а при имени Нельды сердце мое усиленно забилося.

– Я спешил с возвращением, – продолжал рыцарь, – и явился в замок десятью днями раньше, нежели предполагал. Чтобы сделать Розе приятный сюрприз, я оставил слуг позади и в сопровождении одного Иоганна, старого, преданного конюшего, вступил в свои владения тайным подземным ходом, один из выходов которого был в саду, за высокой скалой с мховой скамьей.

Едва я вступил в сад, как окаменел от ужаса: я услышал и узнал голос графини, отвечавшей словами любви бывшему с ней мужчине. Я пробрался сквозь кустарник и взглянул на скамью.

К великому моему изумлению, я узнал самого герцога, бывшего около года в отсутствии и недавно возвратившегося. В эту минуту они начали разговор, из которого я узнал, что любовь их шла уже издавна, и что целые годы я был или безумный, или слепой. Говорили о ребенке, воспитывавшемся в тайне, о сыне герцога и Розы.

При этом последнем открытии, бешенство ослепило меня, я выхватил кинжал и бросился на герцога, но не успел я его поразить, как он свистнул и обнажил оружие, а его люди, поставленные неподалеку, бросились на меня сзади и нанесли мне несколько ударов кинжалом. Seriously раненый, я потерял сознание...

Опомнившись, я увидел себя в хижине угольщика и подле – моего верного Иоганна, не отходившего от меня. От него я узнал все случившееся во время моего обморока.

Как и я, он слышал разговор Розы с любовником, но во время борьбы он держался в стороне, понимая, что бессилён против многочисленной свиты и особенно против герцога.

Когда я упал, графине сделалось дурно, и герцог унес ее, а слуги его последовали за ним. Как только они удалились, Иоганн стащил меня в подземелье, где кое-как перевязал мои раны, и, опасаясь, как бы меня не зарезали или не отравили, если я останусь в замке, он пошел за своим братом угольщиком, и глухой ночью эти преданные слуги унесли меня в лес.

Затем, как только я был в состоянии вынести дорогу, я приказал отвезти меня в замок, где меня ожидали новые огорчения. За несколько дней до моего возвращения Роза скрылась, оставив новорожденного ребенка, и одна из ее служанок сообщила мне, что герцог являлся в замок и что между ними было решено убить меня. Так как исчезновение графини скрывалось слугами, я велел распустить весть, что она умерла в родах и... странная случайность – лживый памятник воздвигнут был над мнимой могилой жены, а через несколько лет такой же памятник стоял на могиле мужа...

Сначала ребенок внушал мне сильное отвращение, но понемногу я стал привязываться к нему, не признавая его, однако, своим, потому что кто мог знать это?

Я не слышал ничего о Розе. Герцог тоже, как будто, забыл обо мне, а я все более думал о нем. Мне хотелось видеть его, чтобы отомстить, но следовало выждать случая, так как напасть на своего сюзерена было и трудно, и опасно.

Наконец, случай, терпеливо ожидавшийся в продолжение четырех лет, представился. Герцог проезжал моими владениями в сопровождении всего нескольких человек; я подкараулил его и опасно ранил, но потерпел неудачу, меня схватили и заключили в тюрьму.

Дело это могло дурно кончиться, но племянник мой, Лотарь, помог мне бежать, и, по моему желанию, распустили слух, что я убится при падении во время побега, а вместо меня похоронили кого-то неизвестного.

Для света я умер, да я и не сожалел об этом, так мне стало все ненавистно. Племянник сопровождал меня в Рабенест; по пути я взял Нельду, которую люблю как дочь; а, может быть, она и действительно моя дочь. Лотарь благополучно наследовал мое состояние, и герцог этому не препятствовал, предпочитая не возбуждать разговора о причинах нашей ссоры.

Все остальное известно тебе, Энгельберт. Ты сын герцога и моей жены; мать Лотаря призналась мне, что для сокрытия тебя от света, тебя отдали на попечение стариков, стороживших Рабенест.

Я едва мог понять последние слова графа; меня подавляла и почти сводила с ума мысль: Нельда моя сестра!

Это был конец моим мечтам и моей любви! Подавленный тяжестью переживаемого, я бросился к ногам человека, счастье которого было разбито моим появлением на свет, и повторял в отчаянии:

– Нельда моя сестра, а я люблю ее!

Граф Бруно с нежностью прижал меня к своей груди, и отец не мог бы в такую тяжелую минуту ласковее отнестись к сыну своего соперника, чем этот великодушный человек. Но ничто не в состоянии было утешить меня, потому что я плакал слезами ребенка, увидавшего разбитой свою первую надежду.

Увещевания графа наконец успокоили меня, и я решил бежать от Нельды, не открывая ей истины, но я чувствовал себя очень дурно, удар был слишком силен, и у меня началось воспаление мозга.

Граф Бруно ухаживал за мною с нежностью отца, и я понемногу оправился. Тогда я узнал от моего приемного отца, что во время моей болезни к нему являлась какая-то таинственная личность и собирала самые подробные справки обо мне и о месте моего пребывания с тех пор, как я покинул замок Рувенов. Старик сообщил ему все, и незнакомец скрылся. Известие о таком запоздалом внимании к моей особе не особенно тронуло меня; то, что я узнал о моем происхождении, было отвратительно мне.

Однажды вечером, когда мы беседовали у камина, рыцарь Теобальд сказал мне:

– Я получил письмо от Нельды. Она спрашивает о твоём здоровье, прося моего благословения и разрешения быть твоей женой. Её единственное желание, говорит она, приехать сюда и жить в уединении, так как она знает, что ты имеешь более склонности к науке, чем к военной карьере. Но более всего она стремится покинуть замок Рувенов потому, что герцог открыто преследует её своей любовью и сделался ей положительно противен. Надо позаботиться избавиться её от этого преследования. Как только ты будешь достаточно крепок, тебе надо ехать и отдать её под покровительство Лотаря; он с радостью примет её.

Что же касается твоей будущности, вот что я тебе предложу. Постарайся получить аудиенцию у герцога. Я тебе дам его перстень, забытый твоей матерью; он и знак на твоей руке послужат доказательством твоего происхождения. Обо мне ты будешь молчать; я умер. Скажи только, что ты осведомлен обо всей истории.

Он открыл сундук и достал перстень и несколько листов пергамента.

– Вот, – сказал он, – вещи, оставленные Розой. Но выслушай ещё: прежде всего отправляйся в монастырь урсулинок и справься, как зовут аббатису. Если ещё жива мать Варвара, покажи ей перстень и бумаги; женщина эта должна знать о твоём рождении и может дать тебе драгоценные указания.

Несколько дней спустя я простился с рыцарем – ах! почему я не его сын? – и направился в монастырь урсулинок, который был по соседству с аббатством, где жил Бенедиктус.

* * *

Наступила ночь, когда я достиг цели моего путешествия; я был разбит от усталости и, увидев на опушке леса гостиницу, остановился в ней, несмотря на её подозрительный вид.

Войдя в залу, я узнал гостиницу прекрасной Берты, спросил комнату для ночлега и, положив на стол золотой, потребовал ужин и вина.

Я сидел в углу и, облокотясь на стол, предавался своим горестным мыслям, как вдруг около меня раздался возглас «ах!». Я вздрогнул, поднял голову и увидел хозяйку гостиницы. Она стояла с кувшином и кубком в руках и не сводила глаз с герцогского перстня, бывшего на моем пальце. Я поспешно спрятал руку.

– Извините, сударь, – сказала она. – Мне кажется, я видела это кольцо раньше у одного высокопоставленного лица.

И пристально посмотрела на меня.

– Возможно, – ответил я спокойно, – так как я посланный высокой особы.

После этого короткого разговора Берта исчезла, и я не видел её более.

На другой день утром я отправился в монастырь. Герцогское кольцо облегчило все трудности, открыло мне все двери, и скоро я очутился перед аббатисой.

Матери Варваре было приблизительно сорок пять лет; худая и хорошо сохранившаяся, она, по-видимому, никогда не была красива. Её бледное лицо дышало добродушием, а маленькие голубовато-серые глазки со светлыми ресницами были непроницаемы.

Очень вежливо спросила она меня, что мне надо; я сообщил ей цель моего визита, и она без малейшего колебания ответила, что действительно знала очень хорошо графиню Розу фон Рабенау. Затем она подробно расспросила меня обо всем, а я, наивный, принимая это за участие с ее стороны, отвечал ей с полной откровенностью.

Видя мое волнение, она сказала:

– Будьте откровенны со мною, молодой человек: какое горе тяготит вас? Невозможно, чтобы одно предположение, что вы сын герцога, могло до такой степени волновать вас?

Обманутый ее притворным участием, я признался, что люблю Нельду и хочу узнать от герцога, действительно ли она моя сестра.

– Я надеюсь на вас и вашу помощь, святая мать, – прибавил я. – Вы, без сомнения, знаете более, нежели кто-либо, об этом темном деле.

К величайшему моему изумлению, она отвечала:

– Увы! Сын мой, я ничего не знаю. Правда, я видела часто графиню фон Рабенау, мою подругу детства, но поймите, что мне, как женщине, оказавшейся от мира, она никогда не повеяла своих сердечных дел. Но Нельда все-таки ее дочь: бедная малютка-сирота, как я хотела бы ее видеть и расцеловать! Что касается вас, сын мой, я обещаю вам сделать все возможное, чтобы узнать истину; оставьте мне эти документы, я верну их вам после.

Я уехал расстроенный. Абатиса не произвела на меня дурного впечатления, она казалась такой доброй, кроткой, и голос у нее такой приятный.

«А что, если у нее есть тайные причины скрывать от меня правду?»

* * *

Я решил отправиться к графу фон Рабенау и просить покровительства для Нельды; но, по прибытии в замок, с сожалением узнал, что Лотаря нет дома и я могу видеть только мать графа (он был вдовец) и его сына.

Я все-таки велел доложить о себе, и меня ввели в залу, где старая важного вида дама, богато одетая, что-то вышивала; около нее сидела прелестная девочка лет десяти и играла со старой охотничьей собакой. Когда я вошел, она пристально посмотрела на меня большими черными глазами.

Графиня приняла меня любезно и сказала, что внук ее на охоте со своим другом бароном Виллибальдом фон Лаунау.

– Вот его сестра, Розалинда фон Лаунау, воспитанница Лотаря, – прибавила она, указывая на девочку.

Я в нескольких словах объяснил ей желание мое поместить у них Нельду. Очевидно, дама эта ничего не знала о прошлом, потому что сказала с удивлением и некоторой холодностью:

– Я не понимаю вашей просьбы и очень мало знаю эту девушку, но по каким причинам могли бы мы обидеть графиню фон Рувен, отобрав у нее особу, к которой она относится как к родной дочери?

– Сударыня, – ответил я, понижая голос, – эта Нельда имеет некоторые права на ваше покровительство: она дочь графини Розы фон Рабенау, непризнанная покойным графом.

Почтенная дама вздрогнула и, позвав служанку, приказала увести Розалинду.

– От кого узнали вы эту тайну? – спросила она, когда мы остались вдвоем. Вместо ответа, я приподнял рукав рубашки и показал отчетливо изображенный на руке герб.

– Энгельберт! – прошептала она, бледная, с ужасом отодвигаясь.

– Да, сударыня, Энгельберт, – сказал я с горечью, – теперь вы понимаете, почему я прошу вашего покровительства Нельде. Она сестра моя по крови, а герцог преследует ее своей любовью, и надо оградить ее от его гнусных желаний.

Слезы блестели в глазах графини.

– Бедное дитя! – произнесла она, привлекая меня к себе и целуя в голову. – Какую грустную судьбу приготовила тебе мать! Но я сделаю все возможное, чтобы создать тебе известное положение и обеспечить твою будущность. Когда почва будет подготовлена, ты представишься герцогу и назовешь свое имя. Он очень любил тебя когда-то. Здесь же ты всегда можешь считать себя дома. Лотарь добр и великодушен, но для Нельды дом наш – не подходящее убежище; ее следует совершенно скрыть от герцога, чтобы он успокоился и забыл ее. Здесь это невозможно: герцог очень любит Лотаря и часто устаивает наш дом своим присутствием. Но у меня другой план. Я знаю аббатису урсулинок, это – женщина строгой нравственности во всех отношениях, заслуживающая уважения. Ей мы поручим Нельду на некоторое время.

Разговор наш прервало появление Курта и его друга Виллибальда. Последний был красивый молодой человек, лет восемнадцати, очень похожий на сестру.

У него, так же, как у той, были черные вьющиеся волосы и большие, бархатистые, жгучие, как огонь, глаза. Он держал на руках Розалинду, которая смеялась и теребила ему волосы.

Курт очень вырос с тех пор, как я его видел в замке Рувен. Ему могло быть лет пятнадцать, но розовый цвет лица, длинные белокурые кудри и голубые глаза делали его женственным.

Бабка, видимо, обожала его, судя по тому, что несколько раз принималась целовать его и спрашивала, не устал ли он. Меня представили обоим молодым людям, но мы разговаривали мало, потому что мысли мои были далеко.

Пока я перекидывался несколькими словами с Виллибальдом, Розалинда бегала по комнате за Куртом, который, казалось, любил ее.

– Знаете ли, – спросила меня старая графиня, – кто крестный отец Розалинды? Эдгар. Отец его был тогда болен и не мог сам приехать, а прислал молодого графа присутствовать при крещении. Бедный юноша! В последний раз он так любовался девочкой и гордился, что имеет такую хорошенькую крестницу. Ей только девять лет, а на вид она старше.

При имени Эдгара Розалинда остановилась передо мною.

– Вы скоро увидите моего крестного, – сказала она. – Передайте ему, что я люблю его и часто думаю о нем и скоро поеду к нему с Виллибальдом; это будет наверно, потому что я желаю этого и Виллибальд согласен со мною.

Я засмеялся и обещал передать все в точности.

Я не подозревал, что настанет день, когда та же самая Розалинда делается для меня и Эдгара предметом большой важности, что ей потребуются наша забота и покровительство и что ее благополучие причинит нам много беспокойства.

Я хотел проститься, но меня удержали, и во время ужина мы слышали звуки труб, возвещавшие возвращение владельца замка.

Искренняя радость, озарившая лица хозяев и слуг, доказывала, как сильно любили графа. Все встали, а Розалинда, побежавшая навстречу своему опекуну, не успела дойти до двери, как она уже отворилась, и граф Рабенау появился на пороге ее. К большому неудовольствию девочки, Курт опередил ее и первый бросился на шею отца, который, потешаясь этой маленькой сценой, поднял Розалинду и, расцеловав в обе щеки, смеясь, опустил опять на землю. Затем он поздоровался с матерью, пожал мне руку и сел за стол.

Разговор оживился, так как, несмотря на усталость, граф тотчас сумел придать беседе свойственный ему веселый тон; оживление его и добродушие были неистощимы, а в прекрасных черных глазах отражалось удовольствие быть среди своих. На сына он смотрел, точно влюбленный на красивую девушку, и в глазах Курта светилась такая же горячая любовь.

После ужина граф увел меня к себе, и мы беседовали по душам. Когда я окончил свою исповедь, он дружески пожал мою руку.

– Смотри на меня, как на самого близкого родного и располагай мною, когда я могу быть тебе полезным.

Тронутый его добротой, я горячо благодарил, а он одобрил мой план и обещал поместить Нельду в монастырь урсулинок.

На другой день старая графиня поехала сама и привезла Нельду, которая провела один день в замке Рабенау.

Когда ей объяснили причину отправки ее в монастырь, она с радостью согласилась и уехала с графиней, которая потом рассказала нам, что аббатиса приняла молодую девушку с распростертыми объятиями. Я не показался, потому что не имел мужества встретиться как с сестрой, с женщиной, которую любил.

Устроив дело, я простился со своими новыми родственниками и хотел отправиться к Эдгару. В минуту моего отъезда Рабенау сказал мне, дружески смотря на меня:

– Берегись, Энгельберт, не доверяй монастырю и его обитателям; тебя легко могут опутать там, как паутиной. Нет ничего ужаснее этих черноризцев, с их приором во главе. Итак, говори и действуй осторожно!

* * *

Когда я прибыл в аббатство, привратник сказал мне, что уже поздно было видеть брата Бенедиктуса, и провел в одну из келий, предназначенных для путешественников.

Я был один, но не мог заснуть, и воздух казался мне удушливым в этом тесном убежище. Я вышел в коридор, где одна дверь, по счастью не запертая, вела в сад.

Погода была великолепная; полная луна заливала своим светом густую зелень вековых деревьев, а мелкий песок аллеи сверкал, точно серебро.

Сделав несколько шагов, я увидел, что очутился на кладбище, прилегающем к монастырской церкви. Всюду возвышались кресты, мраморные и бронзовые памятники с длинными, фантастической формы тенями.

Я шел медленно, как вдруг, на повороте одной аллеи, остановился очарованный восхитительным зрелищем. Скала, на которой был воздвигнут монастырь, с этой стороны отвесно обрывалась; напротив, на такой же скале, отделенный от аббатства глубоким ущельем, виден был монастырь урсулинок. Высокие толстые стены, точно поясом, окружали каждое здание и говорили, что обитателям их не было ни малейшего дела до других.

Усталость и странное тоскливое чувство охватили меня. Я сел на каменную ступеньку старого памятника и залился слезами.

Погруженный в свои мысли, я не заметил, что кто-то подошел ко мне, и вдруг чья-то рука опустилась на мое плечо. В суеверном страхе я вскрикнул, но, подняв голову, увидел стоявшего передо мною высокого монаха.

Длинная черная борода окаймляла его бледное, некрасивое, но с добрым и сострадательным выражением лицо; только глаза, глубоко запавшие, блистали неестественным огнем.

– Не бойся меня, – сказал он. – Я не из числа тех, что здесь почивают. Те несколько не интересуются нами. Я отец Бернгард, член этой общины, но вижу вещи, которых другие не видят.

Он выпрямился и рукой указал на надгробные памятники.

– Я вижу их всех, погребенных под этими камнями, и меня возмущает их бесстрашие. Взгляни, какое большое общество собрано здесь. Все они жили, любили, ненавидели, принимали участие к охотам, празднествах, войне, а теперь все они, когда-то полные сил и жизни, лежат тут, расфранченные, неподвижно и не принимая ни в чем участия. Даже те, кто взаимно любили один другого и которых положили рядом, и те молчат. Ах! – он с усилием вздохнул. – Меня сводят с ума это молчание и это подземное общество с их неподвижными лицами! Как бы красива ни была луна, освещающая их, как бы ужасен ни был ветер, который свистит и

ревет во время грозы, они бесчувственны. Иногда близкая душа приходит навестить их, но и это их не трогает.

И он замолчал, подавленный своими мыслями.

Я слушал, плохо его понимая и объятый суеверным страхом. Не с сумасшедшим ли я имел дело? И рассматривал его с любопытством с примесью страха.

Вдруг он выпрямился, и его блестящие глаза впились в мое лицо.

– О, молодой человек, – заговорил он глухим голосом, – ты также скоро наденешь рясу, хотя и не по доброй воле, а от отчаяния. Берегись, – сказал он, поднимая руку. – Сквозь голову твою, как сквозь эти могилы, я вижу твои мысли, и в мозгу этом все черно. Он будет умышлять одно преступление за другим, и пламя мщения огненным столбом поднимается к небу. Ты смешаешь кровь свою с кровью сестры, и, наконец, тебя погребут здесь на этом самом месте, и ты будешь лежать нем и бесстрастен рядом с твоим смертельным врагом...

Пораженный, озадаченный, слушал я странные и ужасные слова, но когда пришел в себя и хотел задать вопрос монаху, он уже исчез. Волнуемый самыми грустными мыслями, я вернулся в свою келью, но только под утро заснул лихорадочным сном.

Проснулся я в менее тревожном состоянии и пошел к Эдгару, которого увидел спокойным и бодрым. Он рассказал, что его назначили секретарем, что у него много дел и что приор был ему истинным другом.

– Я спокоен, – прибавил он, и глаза его блеснули, – потому что надеюсь отомстить.

Затем он спросил меня о моих делах и дал добрые советы и, между прочим, один – не показываться герцогу. Увы! Я не послушался его.

* * *

Через две недели по возвращении моем в замок Рувен мне подали письмо Нельды, в котором она извещала меня, что принимает постриг, и причины к тому, по ее словам, очень серьезны, но, при всей ее любви ко мне, она не может открыть их. Она просила меня любить ее, часто думать о ней, но не обольщаться несбыточными надеждами.

Я был поставлен в тупик. Нельда, такая молодая, красивая, и в монастырь! Что за причина такого решения? Может быть, она узнала, что я ее брат; аббатиса одна могла сказать ей это.

Я почувствовал глубокое недоверие к этой женщине с бесстрастным лицом и кротким взглядом; следовало предупредить Нельду. Все, что угодно, лучше, чем поступать в монастырь!

Конечно, эгоизм и ревность подсказывали: «Не мне, так никому!» Но нет, подобная будущность была слишком ужасна.

Я отправился в монастырь, но доступ мне был воспрещен под предлогом, что Нельда не желает меня видеть, а аббатиса по нездоровью никого не принимает.

Я был в отчаянии. Что делать? На что решиться? Я видел себя опутанным целой сетью интриг и с горя решил обратиться к герцогу, но узнал об его отъезде на охоту. Приходилось ждать, а каждый день мне казался вечностью. Я еще раз пытался проникнуть в монастырь, но тщетно.

Когда я возвращался из этого неудачного путешествия, лошадь моя, чего-то испугавшись, бросилась в сторону, выбила меня из седла, я вывихнул ногу и, по прибытии в замок Рувен, три недели не вставал с постели.

Тотчас по выздоровлении я отправился к герцогу. Так как я не мог иначе доложить о себе, как под именем «Энгельберт», мне отказали в приеме. Тогда я показал перстень, паж взял его и понес в апартаменты герцога. Минуту спустя меня пригласили войти, и я очутился с глазу на глаз с хозяином моей судьбы.

Волнуемый страхом и любопытством, я пристально смотрел на человека, бывшего моим отцом, от которого зависело мое счастье или гибель. Он стоял с нахмуренными бровями и внимательно рассматривал кольцо. При моем входе он поднял голову и подозрительно взглянул на меня.

– От кого получили вы этот перстень? – спросил он грубым и резким голосом.

Сердце мое стучало, и голос дрожал, когда я отвечал почтительно:

– Государь, я побочный сын графини Розы, жены покойного графа Бруно фон Рабенау и...

Он не дал мне договорить и отступил, лицо его побагровело.

– Ложь! Ложь! У Розы фон Рабенау никогда не было незаконных детей!

При таком приеме я выпрямился, смертельно оскорбленный и своей гордостью.

– Государь, – с горечью сказал я. – Я пришел не для того, чтобы вы признали меня; жизнь моя или смерть для вас всегда были безразличны, но дело идет о другом ребенке графини Розы, о Нельде, которую вы знаете. Она в монастыре урсулинок и, по неизвестной мне причине, намерена постричься. Хоть ее, по крайней мере, спасите от такой ужасной участи.

Герцог побледнел и, как сраженный, опустился на стул.

– Нельда – дочь графини? – воскликнул он хриплым и прерывающимся голосом. – Невозможно! Ты лжешь, молодой человек!

– Сказал чистую правду, – ответил я, удивленный, – спросите аббатису урсулинок; ей известно это, и она подтвердила мне. Кроме того, у нее документы, касающиеся этой истории.

Из горла герцога вырвалось какое-то хрипение.

– А, подлая интриганка! Она знала, что я ее отец... Что я сделал, Боже мой! Но этого я не хотел. – Он закрыл лицо руками. Инстинктивно я почувствовал, что между ним и Нельдой произошло что-то ужасное.

– Что вы сделали? – закричал я вне себя. – Я чувствую, знаю, вы соблазнили ее?

– Вы знаете, – произнес герцог в испуге. Сам он подтверждал это. Дыхание мое остановилось и ноги подкашивались, но бешенство вернуло мне силы.

– Злодей! Я разоблачу вас. Пусть все узнают, наконец, эту аббатису, которая совершает такие низости, и герцога, пользующего ими.

Герцог был взбешен до последней степени. Выхватив из-за пояса золотой свисток, он свистнул, и толпа пажей и оруженосцев поспешно вошла в комнату.

– Задержать этого сумасшедшего. Он позволяет себе оскорблять меня, – сказал он.

Раньше, чем я успел опомниться, сильные руки схватили меня и увлекли в комнату, где и заперли. Я увидел, что нахожусь в довольно обширном помещении, с богатой, но поблекшей мебелью, с решетчатым окном. Изнеможенный нравственно и физически, я упал на стул. Что выиграл я своей попыткой? Какая участь ожидала меня?

Прошло несколько часов, солнце закатилось, и я остался в темноте. Наконец, ключ повернулся в замке, отворилась дверь, и пошел какой-то человек. Подойдя к столу, он зажег ночник, достал из-под плаща корзинку с кувшином вина, хлебом и куском дичи. Поставив передо мною провизию, он исчез так же беззвучно, как и пришел. Я был голоден, и жажда мучила меня; ел я мало, но выпил несколько стаканов вина, потом сел в кресло и стал раздумывать. Члены мои отяжелели, и я заснул свинцовым сном... Ужасное пробуждение ожидало меня.

Когда я открыл глаза, не знаю через сколько времени, я увидел, что лежу в узкой пустой келье, в монашеском одеянии. Я вскочил на ноги и бросился к двери, но она была заперта. Обессиленный, я прислонился к стене, и тут пришли мне на память слова монаха на кладбище: «Скоро ты будешь монахом против своей воли и от отчаяния наденешь рясу». Предсказание его оказались слишком верно. Да, отчаяние увлекло меня, и я понял, что погиб...

Принуждая себя успокоиться, я огляделся и увидел, что на мне одежда послушника; значит, я еще не принял в бессознательном состоянии обета. Спасение было еще возможно.

Я решил защищаться, бежать, если возможно, скрываться у рыцаря Теобальда и провести у него жизнь, отдаваясь науке. Все, все, решительно все, было лучше потери свободы. Мне казалось, что я задыхаюсь в узкой келье, воздуха не доставало мне. Чем заслужил я такую ужасную участь? Где же Божественная справедливость? Где Бог, покровитель невинных?

Целый ураган зашумел в моей душе, и я возроптал на Того, Кто присвоил себе право распоряжаться судьбами.

И служению Ему я должен посвятить свою жизнь? Так значит все – ложь? Большинство собранных здесь людей, вырванных из общества, вычеркнутых из числа живых, обреченных не иметь более человеческих чувств, все они – жертвы, я уверен в этом, от которых избавлялись искусным образом после того, как нравственными пытками вырвали у них сердце... И все эти жертвы собраны здесь, чтобы служить Богу и славословить Его, чтобы умерщвлять все телесные и душевные страсти во имя этого невидимого палача, утонченная жестокость которого дошла до того, что Он отнял у нас способность понимать Его. Целый ад кипел в моей груди; я был, конечно, в числе падших ангелов, возмущившихся против своего Создателя.

Стук отворявшейся двери прервал мои мысли. На пороге стоял высокого роста монах с надвинутым на голову капюшоном и держал лампу в руках. По золотому кресту на шее я узнал в нем настоятеля.

Он поставил лампу на стол и остановился передо мной, скрестив руки.

Сверкавшие из-под капюшона глаза впились в мои, и со странной на губах улыбкой, тоном начальника к подчиненному, он обратился со словами:

– Несчастный безумец! По лицу твоему я вижу, что ты собирался объявить войну земле и небу. Вдвойне безумный ребенок: перед царственными силами мы одинаково бессильны, как там, так и здесь. А теперь, сын мой, успокойся и выслушай меня; я буду говорить с тобою не как с существом, отданным в мое распоряжение, а как с благоразумным человеком. Ты находишься здесь ни по моему приказанию, ни по моему желанию, но мне приказано сделать из тебя монаха. Какое бы средство я для этого не употребил, оно заранее одобрено. Вне этих стен, ты – заяц, на которого выпустят свору, потому что ты имел неосторожность объявить себя плодом греха молодости, а великие мира сего хотят считаться непогрешимыми. Кроме того, ты выступил против монастыря урсулинок и разоблачил гнусное преступление; ты погиб, так как в собственных интересах герцог и аббатиса постоянно будут покушаться на твою жизнь. Здесь, как член нашей общины, ты независим, ряса создает тебе положение, уважение, открывает перед тобою все двери, исповедь – совесть человеческую, даже самую преступную. Ты умен, я это знаю, образован, значит, будешь учителем трех четвертей собранных здесь монахов; ты в зависимости только от меня, твоего настоятеля, а я в каждом человеке уважаю ум и достоинство. Только дураков наказываю я, чтобы образумить постом и молитвой; разумных же убеждаю, и они охотно подчиняются монашеским законам. Взамен я даю им сообразные с их умственным развитием занятия, которые спасают их от отчаяния. Мои разумные братья вовсе не рабы; они вместе со мною отстаивают права аббатства. А теперь я спрошу тебя, желаешь ли ты добровольно подчиниться неизбежному, не для меня, но чтобы избавить себя самого от пыток, к которым прибегать мне противно?

Я слушал, как очарованный. Я страшно ошибся в этом человеке, который в эту минуту являлся таким глубоким знатоком человеческого сердца.

Но этот металлический голос, этот пылающий взор, неужели это голос и взор приора? Нет, впрочем, я не ошибся; это он, это его черная борода, его пронизательные глаза с густыми бровями, только он слегка похудел; я видел по руке, опиравшейся о стол; настоящая рука прелата – белая, с тонкими пальцами.

– Я согласен, отец мой, – сказал я без колебания, – так как вижу, что вы правы.

– Хорошо, сын мой, – ответил он, – монастырская библиотека будет всегда открыта для тебя, и ты найдешь в ней почти все, что наука и история дали нам до сих пор. Твой больной ум может несколько забыться. Впрочем, мы после поговорим обо всем этом.

Он благословил меня и вышел.

Глаза мои остались прикованными к двери. Никогда я не думал, видя его в первый раз, что поддамся чарам этого человека, некрасивого, недоброго, но подчинявшего себе единственно звуком своего голоса и своим глубоким умом. Он был совсем другой перед братьями и послушниками, но все им сказанное была истина.

Я почувствовал облегчение, успокоился и, растянувшись на узком и твердом ложе, крепко заснул.

На другой день меня поставили в послушники, и, вместе с другими я вошел в обширную, великолепную церковь слушать обедню.

Но я и не взглянул на величественное древнее здание, глаза мои искали одного настоятеля. Я увидел его сидящим на возвышении с опущенной головой, и он, казалось, молился. Мысленно я сравнил его с бывшим накануне у меня: это было то же лицо.

Бенедиктуса я не мог найти, а когда спросил о нем, мне сказали, что он болен, находится в лазарете и видеть его нельзя.

Однажды, я пошел в библиотеку и нашел сокровища, утешившие меня. Потом, на одном пюпитре, увидел большую книгу, запертую висячим замком; сверху лежал маленький сверток пергамента с надписью: «Для прочтения брату Энгельберту».

Внутри свертка я нашел ключ.

Поспешно открыв книгу, я с радостью увидел одно из редких произведений по алхимии и магии. Тут было, чем занять душу, и я упивался этим чтением и отрывался только для выполнения налагаемых на монаха обязанностей, но ум мой непрерывно занят был многочисленными вопросами, на которые я наталкивался каждый день, и я сожалел только, что не было лаборатории, где можно было бы попробовать разрешить некоторые задачи этой чародейственной науки.

В награду за примерное поведение, послушничество было значительно сокращено, и скоро наступил день произнесения мною обета.

У меня не было более случая поговорить частным образом с настоятелем, но должен признаться, что я не испытывал слишком большого волнения во время этой глубоко важной церемонии, лишавшей меня общественных прав и дававшей взамен только рясу и имя патера Санктуса.

После благословения настоятеля и поздравлений братьев, я с Бенедиктусом отправился в мою келью.

Оставшись с глазу на глаз, мы обнялись, и невольно я заплакал о потерянной свободе. Мне пришли на память первое путешествие с Эдгаром и тяжелое впечатление, произведенное видом аббатства.

– Бедный друг, – сказал Бенедиктус, пожимая мою руку. – Тебя также неумолимая судьба привела сюда; но мы не совсем одиноки, потому что будем вместе заниматься, чтобы убить время.

– Послушай, – спросил я, – что думаешь ты о настоятеле?

– Тише, – ответил Бенедиктус, – здесь не высказывают так громко свои мнения. Странно, – прибавил он тихо, – в нем иногда точно два человека в одном теле. Он часто меняется; интонация голоса, взгляд преображают его. Это гений хитрости, но он добр и деликатен. Довольно о нем, поговорим о другом.

– Преследуешь ли ты еще свой план мщения? – спросил я.

– Несомненно, но ты касаешься все опасных предметов. Мы поговорим об этом на свободе в лаборатории.

– Как, у вас есть и лаборатория? – воскликнул я в восторге и с удивлением.

– Да, – ответил Бенедиктус. – Но повторяю тебе, тише! Ты все узнаешь после.

И он переменял разговор.

На следующий день, за вечерней службой, Бенедиктус сказал мне на ухо:

– Когда все выйдут, спрячься за одной из колонн и жди.

Как только богослужение окончилось, я прошел в темный угол исповедальни, ожидая, когда последний брат выйдет и затворятся массивные двери. Я увидел тогда при свете лампы у большого алтаря, как между колонн безмолвно скользили тени монахов.

Минуто спустя около меня был Бенедиктус. В руках он держал нечто вроде колпака.

– Надень это скорее, – сказал он, помогая мне.

Это был черный шерстяной колпак, с отверстием для одних глаз. Бенедиктус надел такой же и прошептал:

– Иди за мной.

Он направился к алтарю, взял нечто, чего я не мог рассмотреть, и приблизился к одной из толстых колонн, поддерживавших купол церкви. Вдруг в выемке образовалось высокое узкое отверстие.

– Держись за мою рясу и считай до двадцати семи, – сказал Бенедиктус, спускаясь.

Дверь снова бесшумно затворилась, и мы спустились на двадцать семь ступеней в совершенной темноте. Спутник мой остановился перед стеной и постучался; раздался металлический звук.

– Кто идет? – спросил голос.

– Братья Мести, – ответил Бенедиктус.

– Куда идете вы?

– В чистилище.

Открылась узкая дверь, и мы вступили в небольшое круглое подземелье. Это было что-то вроде пещеры, и освещалось ночником. Виднелась соломенная постель, а на столе кружка с водой и хлеб.

Осмотревшись с любопытством, я заметил, что дверь в стене закрылось так плотно, что не оставалось никакого следа ее.

– Войдите, братья, – произнес старик с седой бородой и мясистым лицом. – Вы привели послушника? – прибавил он, пристально смотря на меня.

– Да, – ответил Бенедиктус.

Старый сторож подал нам два факела, и, когда я зажег свой, увидел, что за мною отворилась дверь. Мы вошли.

Мы шли лестницами и коридорами, казавшимся мне бесконечными, пока нас не остановили у одной двери, где несколько человек в капюшонах спросили у нас пароль. Эта дверь вела в длинный коридор, освещенный факелами и кончавшийся маленькой, совершенно пустой комнатой.

Мой проводник остановился. Вдруг раздался звучный голос, не знаю откуда:

– Брат Энгельберт, желаешь ли ты мстить своим врагам?

– Да, несомненно, даже ценою моего вечного спасения! – ответил я, не колеблясь.

– Ты должен назвать их, и можешь сделать это без опасения.

После минутного раздумья я ответил твердо:

– Я хочу мстить могущественному вельможе, моему отцу, матери моей, если она жива, и аббатису урсулинок.

– Хорошо, – сказал голос. – Можешь ли ты сделать это один, без посторонней помощи?

– Нет.

– Так тебе нужны сообщники?

– Да.

– Можешь ли ты, в таком случае, принести клятву верности союзу Братьев Мести? Тебе помогут отомстить, но и тобою воспользуются, когда это понадобится, так же, как ты другими.

– Да, могу, – отвечал я. – Потому что это вполне справедливо, услуга за услугу.

– Брат, – произнес голос. – Отведи его в чистилище.

Бенедиктус подошел к двери с вырезанной на ней мертвой головой, окруженной каббалистическими знаками, отворил ее, и я остановился, ослепленный.

Я очутился в довольно большой зале, ярко освещенной факелами и восковыми свечами; посредине возвышался род престола, покрытого красным бархатом, на котором стояло золотое распятие, а под ним было большое сердце, пронзенное стрелами, и открытая книга. В зале находилось около ста человек в колпаках, какие были у нас, а на табурете позади престола сидел кто-то, в ком, мне казалось, я узнал приора.

– Слушай условия клятвы, – сказал он. – Ты должен поклясться не Богом, а своей совестью, и если станешь изменником, умрешь от руки одного из здесь присутствующих братьев, слышащих твою клятву. Если между ними ты найдешь смертельного врага, имеешь право казнить его и драться при нас, до тех пор, пока один из сражающихся не умрет, но никогда ты не будешь иметь право употребить против него средства светской мести, которые община наша предоставит тебе. Теперь на колена и слушай формулу.

Я без возражения стал на колени, и он сказал:

– Каждый из клянущихся здесь над этим пронзенным сердцем должен, смотря на него, думать о своем собственном, доведенном до отчаяния и истерзанном тысячью нравственных стрел. Каждый, вспоминая свои собственные страдания до того времени, когда он был вынужден надеть рясу, поймет чувства других. Так подними руку и повторяй следующее: «Клянусь своим истерзанным сердцем и своими прошедшими страданиями, что желаю отмстить тем, кто меня мучил: герцогу, матери моей и аббатисе урсулинок. Клянусь, что с этой минуты телом и душой принадлежу мщению, но так как один я бессилен, то прошу помощи моих, здесь собравшихся, братьев. Пусть каждый из вас будет в моем распоряжении телом и душой, если я могу воспользоваться ими для достижения моей цели. Взамен отдаю в распоряжение каждого из братьев себя и свои способности. Права нашего братства освобождают меня от обета целомудрия, налагаемого на священника и монаха и, для достижения цели, мне разрешается возобновить отношения с женщинами. С полуночи до первого петуха я могу покидать аббатство и носить светское платье, но, клянусь, во все остальное время подчиняться законам монастырской жизни, смотреть на приора как на господина и владыку, исполняя всякое его приказание, даже с опасностью жизни».

Каждое слово повторил я громко и внятно.

– Хорошо, – сказал приор. – Прими теперь знаки нашего братства.

В тот же момент я почувствовал острую боль в плече и глухо вскрикнул. Два монаха подошли ко мне сзади, отогнули рукав моей рясы и коснулись моего тела раскаленным железом.

Я не хотел показаться трусом, закусил губы, дал приложить к обожженному месту мазь, принесенную третьим монахом, и устоял на ногах.

Братья окружили меня, пожимали руку и повторяли:

– Услуга за услугу.

Приор также подошел ко мне и сказал, подавая маленький ключ на тонкой золотой цепочке:

– Я должен сказать тебе следующее: монастырская касса всегда для тебя открыта; ты можешь брать из нее сколько потребуется, подземелья в распоряжении братьев для их работ и развлечений. Теперь идем ужинать.

Бенедиктус повел меня, и мы вошли за другими в длинное смежное с первым подземелье, слабо освещенное факелами, прикрепленными к стене. Посредине стоял стол с серебряной посудой, за которым прислуживали восемь монахов.

– Как! Здесь есть слуги? – удивился я.

– Да, – ответил, смеясь, Бенедиктус. – Но измены с их стороны нельзя опасаться, потому что это болваны из народа, приговоренные за грубые преступления к одиночному пожизненному заключению. Вместо того чтобы сгнить в тюрьме, они живут здесь, никогда не выходя на воздух и не видя дневного света, но они пьют и едят вволю и очень счастливы.

Я поместился около Бенедиктуса. Все пили и ели не стесняясь, но не снимая колпаков. Очевидно братство так же мало соблюдало пост, как и целомудрие, так как в изобилии подавались наилучшая дичь, вино и сласти.

По окончании ужина монахи поспешно разошлись, а приор подошел к Эдгару и сказал ему:

– Покажи подземелья новому брату, чтобы он понял всю важность своего положения.

Дружески пожав мне руку, он удалился.

Эдгар взял факел и весело сказал:

– Пойдем, Энгельберт. Ты увидишь, что мы не беднее светских вельмож, но много могущественнее их.

Он провел меня в сводчатый коридор, по одной стороне которого было несколько небольших дверей. Эдгар отворил одну из них и сказал:

– Взгляни.

Я увидел гадкую каморку с каменным полом и удушливым воздухом, слабо освещенную белесоватым светом из маленького решетчатого окна. Какие-то удары слышались там в наружную стену.

– Что это означает? – спросил я.

– Войди и увидишь.

Он вошел в темницу, отворил вторую дверь и поднялся на несколько ступенек, я следовал за ним. Тогда Эдгар отворил последнюю дверь, еще тяжелее первых, и я отступил, вскрикнув от удивления.

Я увидел гладь воды, голубоватая поверхность которой была залита серебристым светом луны. Волны ударялись о ступени.

Я понял, что стоял на берегу озера, омывавшего с одной стороны скалу, на которой возвышалось аббатство.

Эдгар скрестил руки и казался погруженным в свои мысли.

– Сюда, – сказал он с улыбкой жестокого удовлетворения, – я завлеку когда-нибудь труп Ульриха и брошу его в эти тихие воды; волны смоят следы крови. Можно также открыть решетку, и впустить через нее воду в темницу. Каждый поступает согласно своему желанию, но отсюда сплавляем мы свои жертвы. Эту часть подземелья мы зовем кладбищем. У нас четыре таких кельи, как я тебе показал; все с выходом на озеро. Когда-то это были гроты или выбоины, которые заделали стеной так искусно, что она сливается с самой скалой. Вообще эти подземные сооружения чрезвычайно любопытны по искусству, с каким использовали каждую естественную выбоину, чтоб устроить этот лабиринт зал и коридоров.

Мы вышли. Он затворил дверь и ввел меня в подземелье, освещенное несколькими факелами. По стенам были приделаны полки, и на них лежали связки бумаг; вокруг стояли письменные столы, каждый со своим номером. За каждым столом работали или писали монахи в нахлобученных колпаках.

– Это рабочая зала братства, – объяснил Эдгар. – Здесь делают изыскания, ведут корреспонденцию, подделывают документы. Словом, делают все необходимое, так как в верхних

кельях не должно быть никакого следа запрещенной деятельности. Там, в углу, направо, мой стол; а твой рядом, прямо под факелом. Видишь ли ты свой номер?

Если ты понадобишься одному из братьев, он положит на твой стол род открытого письма, на которое ты обязан ответить, дать совет или высказать свое мнение. Я сношусь с № 52. Это человек большого ума; он подает превосходные советы, и меня он также выбрал своим помощником. Наконец, в этом сундуке сохраняются выдержки из биографий всех братьев, с именами их врагов и списком лиц, которых они знали в мире. Твоя история также будет здесь. Если ты найдешь, что кто-нибудь из нас может быть тебе полезен, ты напишешь ему и получишь в ответ все нужные указания. Старик, которого ты видел в первой пещере, и те, что спрашивали у нас пароль, члены братства, утолившие уже свое мщение, и теперь служат обществу с безусловной преданностью и скромностью. Итак, здесь мы будем работать над планом нашего мщения, но не сегодня. Теперь пойдем. Я проведу тебя в самый рай твоих желаний, в лабораторию, и представлю отцу Бернгарду. Это прекрасная личность; он изобретает способ делать золото и верит в привидения, которые умеет даже вызывать.

Мы вошли в круглую пещеру, издававшую едкий запах и наполненную дымом. Там была большая печь, кубы, банки странной формы, словом, все принадлежности лаборатории.

Перед письменным столом сидел монах спиной к нам и казался совершенно поглощенным чтением огромной старой книги.

– Здравствуй, отец Бернгард, – сказал Эдгар. – Простите, что беспокоил вас, но я хочу представить вам друга, о котором говорил.

Монах обернулся и, подняв ночник, осветил мое лицо. Я вскрикнул от изумления. Это был тот самый, что предсказал мне мою судьбу.

– А, – произнес монах, улыбаясь, – так это вы? Слова мои очень скоро сбылись. Добро пожаловать, брат. Чем могу служить вам? Только не будем вопрошать судьбу; лучше не знать будущее.

И указал нам два стула.

Я с любопытством смотрел на него; я любил все таинственное, и алхимия давно привлекла меня.

– Отец мой, – сказал я, – я жажду науки, я желал бы сделаться вашим учеником и помогать вам в ваших трудах. С самого детства я всегда любил все таинственное.

Монах скрестил руки и вздохнул.

– Сын мой, жизнь человеческая слишком коротка для того, чтобы постичь эти вещи; это опьяняющая и фатальная наука, потому что ум беспрестанно наталкивается на непреодолимые препятствия. Мы догадываемся о чудесах, скрытых за завесой, но нас ослепляет уже едва приподнятый маленький уголок ее. Мозг наш узок, чувства мало развиты; единственно, что можно знать, это – что непрерываемая нить ведет к истине, что одно открытие служит основанием другому. Если желаешь, сын мой, будем работать вместе. Враг мой умер, прежде чем я успел отомстить ему; теперь я посвятил свою жизнь на то, чтобы найти способ вызвать из пространства душу виновного, дабы я мог видеть его, осязать и терзать упреками. Я уже вижу много блуждающих духов, но то все незнакомые, не тот, которого жаждет мое мщение. А между тем должен же я достигнуть цели. В писаниях и в книгах по астрологии отмечены случаи, что мертвые приходили и их осязали, надо только найти средство заставить его явиться.

Он остановился в задумчивости, устремив глаза в пустое пространство; Эдгар сделал мне знак, говоривший:

– Оставь, на этом пункте он немного тронут.

Но я был слишком заинтригован, чтобы уступить.

– Отец мой, – заговорил я, – удавалось ли вам вызвать кого бы ни было, если не врага вашего?

– Сын мой, я достиг только того, что вызвал тени животных.

– Не покажите ли вы мне? – спросил я, заинтересованный в высокой степени.

– Охотно и даже сейчас, – ответил монах с сверкающим взглядом.

Эдгар хотел остановить меня, но я увлек его, и мы вошли в смежную пещеру с закрытым кожаной завесой входом.

Как и первая комната, эта была наполнена различными принадлежностями для занятий алхимией, а в большой жаровне горели угли.

– Посмотрите, – сказал Бернгард. – Вот три черные курицы; они живые, можете в этом убедиться. На ваших глазах я посажу их на этот стол.

Он взял горящих углей, положил их перед птицами, у которых ноги и крылья были связаны, и бросил на огонь щепотку белого порошка; он воспламенился и дал до того яркий свет, что трудно было смотреть. Затем он поднял руки над курами со словами:

– Низшие создания, данные Создателем для нашей потребности, приказываю вам вызвать тень существа вашей породы.

Яркий свет потух, Бернгард приблизил светильник, и мы увидели, что все три курицы находились в состоянии полной неподвижности, точно во сне. Испытатель отступил и пристально смотрел на них, нахмутив брови.

Мы не спускали глаз с трех куриц, когда к нашему изумлению, на столе появилась четвертая. Она была совершенно белая и точно живая.

– Видите, – сказал отец Бернгард, – это – тень курицы, которую я убил сегодня утром, – и указал пальцем табурет, на котором находилась курица, совершенно сходная с бывшей на столе.

Курица забила крыльями, потом, не поднимаясь вверх, расплылась в пар и исчезла. Я отступил, а Эдгар перекрестился.

– Вы великий чародей, – прошептал он.

– Увы! Это только азбука всего, что есть великого, – отвечал монах, вздыхая. – Я работаю день и ночь, но не могу достигнуть своей цели, мне удался еще опыт с кошками, но что мне из этого. Душу врага моего мне надо. Ты, сын мой, если хочешь, всегда, когда будешь свободен, приходи заниматься серьезной работой. Ты найдешь здесь все необходимые книги. Знаешь ли ты латинский язык?

– Да, – отвечал я.

– Тем лучше, это облегчит тебе занятия, а теперь, братья, покойной ночи, мне надо работать до первого петуха; это наилучший час, чтобы вызвать обитателей невидимого мира.

Пожав ему руку, мы вышли.

– Станный человек, – сказал Эдгар, – и великий маг. Знаешь, что он мне предсказал?

– Что? Отмстишь ли ты? – спросил я с любопытством.

– Да, отмщу, – ответил Эдгар, и на губах его появилась злая усмешка. – Все, погубившие меня, будут уничтожены: Вальдек погибнет от моей собственной руки; владения графов Рувеннов перейдут к монастырю, и, – он горделиво выпрямился, глаза его метали искры, – наступит день, когда на груди моей будет блистать золотой крест приора. Энгельберт! Понимаешь ли ты всю силу этих слов? Ведь это та же корона и невидимый скипетр; это значит иметь в руках почти безграничную власть. Быть приором и начальником нашего тайного общества – всем управлять, помогать другим в отмщении и в то же время при первом желании пользоваться полной свободой, правда, ночью, и деньгами сколько угодно. Это называется жить. Нет, я не сожалею больше о мире; рыцарь фон Рувен, при всем богатстве и могуществе, очень мало значит между другими вельможами, такими же богатыми и могущественными, как он. Я только выиграл при обмене. Есть, впрочем, одна непонятная мне вещь; он сказал: «Ты сразишься с великаном и победишь его изменой твоего предшественника». Кто может быть этот великан?

Мы поднялись тем же путем, как и спускались, и когда четверть часа спустя, вытянувшись на своей постели, я думал обо всем виденном, мне казалось, что это был волшебный сон, и я боялся, что с пробуждением моим он исчезнет.

На другой день я вовсе не видел Эдгара, но сошел к Бернгарду и работал у него несколько часов. Колокол сверху извещал, что настало время присоединиться к братьям.

* * *

Должно признаться, мои ученые занятия так поглощали меня, что временно я забыл о планах мщения; притом я не знал, каким путем и с чего начать, чтобы попасть к герцогу.

Я внимательно перелистывал биографии братьев, но одного только нашел для себя полезным. Это был старый доверенный герцога, очевидно, знавший многие его тайны и вследствие предательства заключенный в монастырь. Я написал ему, но вместо ответа, он сам однажды вечером появился у моего стола.

– Я знаю тебя, – сказал он. – То есть, знал тебя только что родившимся. Я был в то время пажом герцога и знаю очень многое. Матери твоей, во время ее бегства, было двадцать пять лет; очень молоденькой она сделалась графиней фон Рабенау. Когда произошел скандал, тебе было семь лет, теперь тебе двадцать два года; значит, если твоя мать жива, ей около сорока.

Кроме герцога, графиня в то время имела еще связь с одним бароном Эйленгоф, который за какое-то плутовство был исключен из рыцарства и скрылся. Один Бог знает, что с ним случилось! Однажды он снова появился, сошелся с твоей матерью, и они вместе скрылись. Их никогда более не видели. Но ты должен быть очень осторожен и молчать об этой истории, так как наш приор – брат-близнец этого Эйленгофа. Так говорят, по крайней мере. Еще могу тебе сказать, что герцога вовсе не так трудно достать, как ты думаешь; ты можешь встретить его во всякого сорта гадких притонах, где он бывает по ночам. Советую тебе оставить пока в покое аббатису урсулинок, ибо я не вижу средства напасть на нее, не возбуждая подозрения. Постарайся только узнать, знает ли она о своей приятельнице графине Розе.

Я поблагодарил его и отправился к Эдгару рассказать все; мы обещали не иметь секретов один от другого.

– Слушай, – сказал Эдгар, подумав минуту, – когда ты рассказывал мне подробности освобождения Марии, мне кажется, ты упоминал имя какого-то Эйленгофа.

Я ударил себя по лбу.

– Правда. Как мог я забыть? Завтра же ночью отправлюсь в гостиницу.

В ту минуту один, раньше забытый, случай пришел мне на память: как хозяйка гостиницы вскрикнула от изумления, увидав на моем пальце герцогский перстень; я давал этой женщине лет тридцать пять, но она могла иметь сорок. Я вспомнил также влияние ее на того проходимца. Не был ли у меня в руках ключ к тайне? Голова моя кружилась, и мысли мешались.

День этот казался мне бесконечным, но после полудня следующего дня я отправился к приору и заявил, что в первый раз хочу воспользоваться своим правом выхода.

– Зачем? – спросил он. – Приор должен все знать, хотя в то же время он связан клятвой безусловного молчания.

Я в нескольких словах высказал ему свои предположения, избегая из деликатности упомянуть имя Эйленгофа и сказав только, что хочу видеть хозяйку гостиницы. При этих словах моих приор сделал резкое движение и опустил голову. После минутного раздумья он произнес:

– Хорошо, сын мой, отправляйся после вечерней службы, спроси у № 13 ключ от гардероба. Только не забудь вернуться в положенный час.

С наступлением ночи я оделся в платье горожанина, привязал фальшивую бороду и, завернувшись в широкий плащ, вышел через подземелье, выход из которого был неподалеку от дороги, ведущей к гостинице.

Я проворно шел, и скоро у разветвления дороги показалась развалившаяся лачуга, цель путешествия. Слабый свет в одном из окон показывал, что «Вечерняя Звезда» готова открыть гостеприимную дверь запоздалым путникам.

На мой стук дверь отворила старуха и ввела в зал, в то время пустой. Женщина в красном шерстяном платье, которую я принял было за хозяйку, подошла ко мне и спросила, что мне надо. Я увидел, что ошибся. Это была очень красивая девушка лет шестнадцати, полненькая, в одно лицо с Бертой. Под моим пристальным взглядом она опустила свои черные глаза, а на вопрос о хозяйке ответила с грустью:

– Это вы говорите о моей матери? Увы! Она умерла месяц тому назад, и я здесь одна. – Утерев несколько слезинок, она прибавила: – Дядя взял все, что у нас было лучшего, и ушел. С остатками вина и провизии я начала торговлю; кормилица помогает мне, и мы живем довольно спокойно.

– Давно ли твоя кормилица знает твою мать? – спросил я. – И где эта женщина!

– Гильда! Гильда! Поди сюда, – позвала молодая девушка.

Почти немедленно появилась грязная и неряшливая старуха, противная, с косыми глазами и неприятными чертами лица. Она и отворяла мне.

– Чем могу служить вам? – спросила она, подозрительно глядя на меня. Я бросил ей золотой, который она с жадностью схватила.

– Скажи, знала ли ты мать этой девушки до ее рождения, и вообще, что знаешь о ее прошлом?

– Конечно, знаю всю ее историю, – отвечала старуха. – Мне пятьдесят лет, а Берте было всего тридцать один год; я знала и ее отца, содержателя гостиницы. Совсем молоденькой она убежала со странствующим миннезингером, а когда вернулась, то поручила мне маленькую Годливу. Самой ей некогда было, так как она только гуляла. Купила она эту гостиницу еще прежде, но почему не жила в ней – это ее тайна. Теперь бедная душенька ее погибла, Бог знает как; мир ее праху!

– Скажи мне еще, кто был этот Эйленгоф, ее помощник и правая рука?

При этом имени лицо старухи исказилось от ярости.

– Ах, этот мерзавец, вор и забияка, – заворчала она. – Еще бы мне не знать его, который ограбил, обокрал нас и еще смеет называть себя бароном фон Эйленгоф. И имя-то у него краденое, как все остальное! Ре был конюхом у одного Эйленгофа, который исчез после целого ряда обрушившихся на него несчастий; а этот пьяный плут никогда не был благородным. Простите мою горячность, – прибавила она. – Но мне кровь ударяет в голову при одном имени его.

Старуха говорила без остановки таким правдивым голосом и убедительным тоном, что я никак не мог подозревать обмана; несомненно, я ошибался, и безумием было в трактирнице подозревать мою мать, изящную, высокорожденную женщину.

Во время этого разговора Годлива не сводила с меня глаз.

– Сударь, – сказала она, краснея, – позвольте мне предложить вам закусить. Вы, вероятно, устали с дороги.

Я не решался, но прекрасные глаза, устремленные на меня, приковали меня к месту. Недаром мне было двадцать два года. Я остался, а Годлива, с сияющей улыбкой, прислуживала мне и следила, чтобы чаша моя не пустовала.

Несмотря на переодевание, у меня был красивый вид, что доказывали восхищенные взоры девушки. Склонившись над столом, Годлива не сводила с меня пылающего взгляда; в слабо освещенной комнате бледное лицо Годливы и вся ее страстная красота опьяняюще действовали на меня. За третьей налитой ею чашей, я пожимал ее ручку; она ответила на мой порыв и несколько глухим голосом прошептала:

– Придешь ли ты опять, прекрасный незнакомец? К чему иначе любоваться тобою и угощать тебя, если ты уйдешь и в моем сердце останутся только сожаления...

Я пристально смотрел на нее с некоторым удивлением. Она торопилась со своими чувствами, но мое тщеславие, польщенное столь быстрой победой, подсказывало мне: может быть, эта красавица в уединении своем мечтает о ком-нибудь, кто выше того грубого народа, что посещает эту гостиницу. Очевидно, что-то нравилось ей во мне, а к этому мужчина никогда не остается равнодушен. К тому же клятва снимала с меня обет целомудрия до первых петухов.

Я встал и взял ее руку.

– Прекрасная Годлива, – сказал я, наклоняясь к ней, – ты говоришь загадками. Ты спрашиваешь, приду ли я опять? Ну, а если приду, примешь ли и полюбишь ли меня, прекрасная хозяйка? Если скажешь «да», мы увидимся опять.

Она подняла на меня свои влажные глаза.

– Приходи же и люби меня так, как я тебя, ради тебя самого. Кто бы ты ни был, тебе всегда будут рады.

Я обнял ее гибкую талию и поцеловал в пылавшие губы.

Нельда, монастырь, все было забыто. В те минуты я совершал одну из безумнейших глупостей молодости.

Я вышел из гостиницы, обещая придти опять, и не изменил своему слову. Связь наша продолжалась довольно долго: потом я пресытился, перестал ходить в гостиницу и потерял Годливу из вида.

* * *

Дело с моим мщением совсем не подвигалось. Мать моя не находилась, а до аббатисы урсулинок я не мог добраться; хитрость ее делала ее неуязвимой. Эдгар и я в неудачах этих утешались сознанием, что в делах подобной важности необходимо терпение, и кто умеет ждать, всегда достигнет своего. Самыми счастливыми для меня часами были проводимые в лаборатории отца Бернгарда; я работал с жаром, забывая весь мир.

* * *

Более трех лет прошло без особенно важных событий, когда я узнал, что старый граф фон Рувен умер и оставил все свое состояние младшему сыну. Эдгар был глубоко огорчен смертью отца, а меня удивляло, что граф не завещал ничего в монастырь из части Эдгара.

Несколько месяцев спустя после кончины графа, Эдгар однажды вечером вошел в мою келью; он был очень возбужден.

– Энгельберт, – сказал он, – час моей мести наконец наступает, и ты будешь орудием ее.

Он рассказал мне, что скончался капеллан замка Рувен и что вдова его прислала к приору гонца с просьбой назначить ей нового духовника.

Эдгар уже говорил с приором, и тот согласился послать меня, чтобы все высмотреть, проверить и, может быть, напасть на след того ужасного предательства, в котором друг мой подозревал свою мачеху. В качестве исповедника, мне предстояло искусно выпытать все ее тайны и узнать, где находится ее племянник Ульрих фон Вальдек.

Около четырех лет графиня Матильда меня не видала, а с тех пор я очень изменился. Я не был уже прежним веселым, полным надежд юношей, богато разодетым; лицо мое носило следы сильного душевного переворота. Я отрастил черную бороду, да и вообще патер Санктус, монах с резкими чертами, суровым выражением, с угловатыми движениями, был совершенно другим лицом и таковым должен был сделаться интимным советником графини.

В конце разговора Эдгар сказал мне, сжимая мою руку:

– Энгельберт, будь мужественен на своем посту, а я, в свою очередь, буду здесь работать для тебя, и не буду лениться. Ты же наблюдай за всеми, потому что у приора на этот счет есть свои особые планы.

* * *

Накануне отъезда в замок Рувен меня призвали к приору. В комнате, освещенной одним камином, было полутемно; в глубине, на кресле с высокой спинкой, вырисовывалась внушительная фигура главы нашей братии.

– Брат Санктус, – заговорил он глубоким голосом, – вам доверяется большое дело; именья фон Рувенов очень велики, и желательно, чтобы никто не унаследовал их. Мне известно из верного источника о предположении выдать младшую дочь герцога за молодого графа; а граф Альберт слабый и болезненный; он может умереть, не оставив потомства, и герцог пламенно желает, чтобы это огромное богатство перешло в его род. Ваше дело, чтобы этот план не удался.

Я понял его.

– Будьте уверены, отец мой, герцогу ничего не достанется, – отвечал я.

– Хорошо, сын мой! Расстройте его планы, но действуйте осторожно и не увлекайтесь. Нарушить монашеский обет вы можете тогда, когда будете безусловным хозяином положения и когда уже не останется желать большего. Помните, что ваш долг держать в железной руке графиню, что ни один изгиб ее души не должен укрыться от вас, что ни одно приказание не должно исходить от нее, помимо вас. Чтобы достигнуть этого, вы кавалер с полночи до первых петухов, не забывайте этого, сын мой.

Благословив, он отпустил меня.

* * *

На следующий день я отправился в замок и был принят своей новой духовной дочерью в ее молельне. Как я и ожидал, она не узнала меня и набожно поцеловала мою руку. Ввиду предстоявшей мне роли, я внимательно осмотрел благородную даму.

Она мало изменилась и была все еще красива, но жестокое выражение лица портило впечатление; в глазах ее вспыхивал иногда страстный огонек, который показывал, что ею можно управлять, действуя на ее чувственную сторону. Значит, почва была благоприятна.

Мы беседовали, но с обоюдной сдержанностью. Разговор вертелся вокруг святости и покорности, которую должна вселить в сердце человека большая нравственная утрата. При воспоминании о смерти мужа, графиня закрыла глаза рукой, но когда опустила ее, я не заметил ни малейших следов слез.

Я скоро простился и ушел к себе. Около капеллы были назначены для капеллана две хорошенькие комнаты, с роскошной обстановкой; потайная лестница и маленький коридор соединяли их с молельней.

Вскоре я почувствовал себя очень хорошо в замке: я работал медленно, но верно, для достижения намеченной цели и, чтобы ориентироваться во всех направлениях, я пристально наблюдал за графиней, ее сыном и посетителями замка.

Альберт фон Рувен был тогда молодой человек восемнадцати лет, очень красивый, но слабого сложения; в характере его замечалась смесь слабости и лукавой злобы. Он был очень дружен, по-видимому, с бароном Виллибальдом фон Лаунау и ухаживал за его сестрой Розалиндой, четырнадцатилетней восхитительной красавицей.

Брат и сестра, в сопровождении Курта фон Рабенау, часто приезжали к нам и проводили целые недели в замке Рувен. В это время я подружился с Розалиндой, которая, будучи набожной и наивной, была со мной очень мила и выказывала безграничное доверие. Она чрезвычай-

чайно любила своего брата; впрочем, он был единственным близким ей существом, так как они в детстве еще осиротели.

* * *

Однажды Курт, также оказавший мне доверие, вошел в мою комнату. Он казался встревоженным и стеснялся говорить, но после некоторого вступления, признался, что пришел просить у меня огромной услуги, за которую оплатит мне вечной признательностью. Я расспросил его, и он открылся, что дело идет о тайном браке его с одной очаровательной женщиной, от любви к которой он умирает.

– Я боюсь, что отец не согласится, так как мне только двадцать лет, – прибавил он. – Но этот отказ будет моим смертным приговором.

– Послушайте, милый граф, – отвечал я, – не пускайтесь вы в такие приключения; отец, вероятно, женит вас сообразно со своими видами. Из того, что вы боитесь назвать ему вашу избранницу, надо полагать, что она ниже вас, а такое пятно на вашем гербе было бы обидой для вашего отца, которую он никогда не простит. Что касается меня, я не могу и не хочу вмешиваться в такое серьезное дело.

Курт был в отчаянии от моего отказа; он плакал, ломал руки и, наконец, вышел очень возбужденный; я не слышал более об этом деле и думал, что он бросил свое намерение.

Через несколько недель, как-то после обеда, к нам приехал граф фон Рабенау и сказал мне:

– Я желал бы женить Курта на Розалинде. Она красива, умна, и, я полагаю, это было бы хорошее средство образумить его; он такой горячий!.. Конечно, в настоящее время, Розалинда еще молода, но, чтобы избавиться от претендентов, я помолвлю их, и Курт будет связан. Последнее время он часто пропадает, это не нравится мне.

На другой день Курт пришел ко мне бледный и расстроенный.

– Отец Санктус, – сказал он, – посоветуйте мне, спасите меня! Я не знаю, как признаться отцу, что я женат.

– Вы женаты? – воскликнул я, пораженный.

– Ну да, я ведь говорил вам, что влюблен до безумия и хочу жениться. Это такая запутанная история!.. Видите ли, жена моя – дочь барона Эйленгофа, который, вследствие одной гадкой интриги, потерял и положение свое, и состояние. Жена его, редкая, превосходная женщина, помогала мне в этом деле. Их преследуют обоих, но я помогу восстановить подобающее им положение.

Я слушал совершенно изумленный, как вдруг, подняв голову, вздрогнул; граф фон Рабенау вошел неслышно и стоял в дверях. Лицо его было мертвенно бледно, а глаза метали искры.

– Эйленгоф женил тебя на своей дочери? А! Я понимаю все, но ты, – он бросился на Курта и, схватив за платье, тряс его с такой силой, точно хотел сломать, – как смел ты втайне опозорить так мое имя? Отвечай, низкий обманщик, трусливый и глупый мальчишка!

Я стоял точно заколдованный. В гневе своем граф намеревался собственными руками уничтожить этого страстно любимого сына.

Но где и когда слышал я этот же глубокий и захватывающий металлический голос?

– Где эта женщина, эта графиня фон Рабенау? – продолжал граф. – Как назвал Эйленгоф эту тварь?

– Годлива, – ответил Курт, охваченный внезапным страхом.

– Годлива?! – глухо повторил я.

– Вы ее знаете? – спросил граф.

– Да, и она, очевидно, обманула меня, отрицая знатное происхождение барона Эйленгофа.

Мертвенная бледность покрыла лицо Курта, и отеческое чувство проснулось в графе к обожаемому сыну. Рука его разжалась. Он отер пену, выступившую на губах, и сказал спокойнее.

– Ты пленником последуешь за мною в замок Рабенау и не так скоро выйдешь оттуда, понимаешь?

– О, отец! – вскричал Курт, сжимая руки. – Позволь мне только увидеть мою жену, она совсем одинока.

Граф выпрямился; на него страшно было смотреть, и голос его с каким-то глухим свистом вырвался из стиснутых зубов.

– Молчи, если дорожишь жизнью! Чтобы никогда имя это не выходило из твоих уст. Не рассчитывай на мою любовь в этом деле и берегись ослушаться меня!

Курт без памяти повалился в кресло.

– Глупый мальчишка, которого одурачили! – произнес граф, смотря на него с любовью и жалостью. – До свидания, отец Санктус! Я с вами также должен поговорить, но теперь я пошлю своих людей за Куртом. – Он жестом простился со мною и вышел твердой поступью.

* * *

В тот же день я испросил у графини отпуск на два дня и отправился в аббатство.

Я с нетерпением спешил переговорить с Эдгаром. Прежде всего, он пожелал узнать, как идут его дела с мачехой, и я мог по совести ответить ему, что время наших религиозных бесед не пропало даром; мой взгляд подчинял мне Матильду, и я надеялся вскоре довести ее до полного признания.

Эдгар, в свою очередь, рассказал мне под секретом, что получил от настоятеля приказ быть наготове в одну из ближайших ночей. Кроме того, он подслушал странный разговор в кабинете приора, проходя потайной лестницей около его покоев. Незнакомый ему голос говорил: «Негодяй, страшись моего гнева и помни, что ты всем обязан мне. Я возвысил тебя, дал тебе громадную власть при полном моем доверии, а ты что сделал, предатель?!»

Конца Эдгар не мог слышать, так как боялся быть пойманным и спустился вниз.

* * *

На другой день я простился с Эдгаром и вернулся в замок Рувен. Вскоре по моему прибытии одна из служанок графини доложила мне, что меня ожидают в молельне. Я взглянул в маленькое металлическое зеркало, расчесал свою черную шелковистую бороду и, в уверенности, что могу понравиться, пошел к своей духовной дочери.

Я отворил дверь небольшой, хорошо знакомой мне комнаты и на минуту остановился на пороге. На дворе наступали сумерки, но в молельню проникало очень мало света через узкое окно в толстой стене и потому было совершенно темно. Пара желтых восковых свечей на аналое озаряла красноватым светом графиню, стоящую на коленях, закрыв лицо руками, и совершенно погруженную в молитву.

На ней было широкое шерстяное платье белого цвета, стянутое в талии шелковым шнурком, а открытые до плеч распашные рукава обнажали прекрасные руки; густые волосы распустились и волнами рассыпались по платью.

Я смотрел на нее и в душе смеялся: я очень хорошо понимал выразительные взгляды, которые она бросала на меня последнее время. Моя суровая, почтительная сдержанность раздражала ее; потому она сняла тяжелые закрытые платья, предписываемые модой и красиво обрисовывавшие ее стройную фигуру, но закрывавшие белые руки, так же, как убор, покрывавший

волосы. Впервые она приняла меня в этом соблазнительном наряде, силу которого тридцативосьмилетняя красавица Матильда очень хорошо сознавала.

Я не трогался с места, соображая мысленно всю важность услуги, которую мог оказать Эдгару, вызвав столь драгоценные для него признания, и вместе с тем, предвкушая наслаждение от связи с такой еще красивой женщиной. Должен признаться, что я сделался орудием вполне достойным общества, членом которого состоял; ни малейшее угрызение не тревожило мою душу, ни малейшее влечение сердца не стесняло меня; я собирался лгать без стыда, разыгрывать страстного любовника и в то же время соразмерять силу своих чувств с важностью тайн, которые хотел исторгнуть. Увы! Юношеская невинность прошла, и я упал до той душевной низости, которая вела к преступлению...

Все эти размышления, длинные на письме, пронеслись в несколько секунд. Я с шумом отворил дверь и вошел. Графиня вздрогнула и подняла голову.

– Ах! Отец мой, это вы, – проговорила она и опустила голову, как будто смутившись!

– Да, дочь моя, – ответил я, подходя к ней и благословляя ее.

Придвинув к аналою табурет, на котором я сидел всегда во время исповеди и молитвенных размышлений, я устроился на нем. Видя, что она не поднимает головы, я нагнулся к ней.

– Дочь моя, – сказал я сдержанно, – я замечая смущение в ваших глазах и печаль на лице вашем. Имейте больше доверия к своему духовнику; все то, что тяготит вас, излейте в мое сердце, которое живая могила. Кто из смертных без греха? У каждого есть соблазны, увлекающие его, но помните, дочь моя, что исповедь установлена для облегчения совести, чтобы раскаянием исправить прежние ошибки. Мы раздаем щедроты, завещанные нашим Спасителем потомству. Мы отказываемся от мира, с его страстями и слабостями, мы даем обет покорности и полного отречения, чтобы стать достойными Господнего стада и вести его в селения вечные. Подумайте о правах, которые Иисус даровал нам своими божественными словами: «Что разрешите на земле, то будет разрешено и на небе». Говорите без страха, дочь моя, потому что давно я подозреваю, что вы скрываете что-то от меня, бедная овечка, может быть, уклонившаяся с прямого пути к спасению!

Окончив свою чудесную речь, я ласково посмотрел на нее, чтобы из-под суровой оболочки духовника чуть выглянуло восхищение мужчины.

– Ах, отец мой, – прошептала она, закрывая лицо руками. – Я очень грешна! Скажите, могут ли проститься тяжкие преступления после искреннего признания, и не оттолкнете ли вы меня с ужасом и негодованием, так как я совершила страшные грехи, терзающие меня и не дающие мне покоя. Но я готова отдать себя на ваш суд, открыть вам свою душу, потому что моему доверию и уважению к вам нет границ.

Она подняла пылавшее лицо; на щеках виднелись несколько слезинок, а из больших голубых глаз струилась явная страсть. Она сложила свои прекрасные белые с тонкими пальцами руки и положила их мне на колени.

– Говорите, отец мой, – повторяла она. – От вас зависит погубить или спасти мою душу.

Я с любопытством следил за ее изящными грациозными движениями, с удовольствием отмечая, насколько эта женщина была выше моих прежних пошлых любовниц.

Я сжал ее руки и, жгучим взглядом смотря на нее, прошептал:

– Милая дочь моя, чтобы излечить рану, врач должен видеть ее. Так говорите же, сознайтесь в своих ошибках, как бы велики и ужасны они ни были, и если вы ослабеете под тяжестью своих признаний, то я – с вами, и мои объятия поддержат вас, а принадлежащее вам всецело отеческое сердце – утешит. Говорите же скорее, дабы мои слова утешения и прощения, которое я вам дам именем нашего божественного Учителя, осушили скорее ваши слезы и разогнали тучи с вашего прекрасного чела.

Я крепко сжал ее горячие руки и почти к самым губам приложил любопытное, жадное ухо.

– Отец мой, я совершила гнусное и противоестественное преступление, но меня увлек страх, что Альберт потеряет значительную часть своего наследства. Муж мой намеревался завещать большие поместья вашему монастырю, как часть старшего сына, принявшего монашество, и тогда...

Она остановилась и совсем опустила голову; я слушал, затаив дыхание; теперь наступало признание.

– Ну! Что же вы сделали? Говорите!

– Чтобы помешать этому, я отравила его, – прошептала она упавшим голосом.

Я подозревал это, но дело было в том, чтобы достойно провести свою роль и узнать остальное. Потому я оттолкнул ее, вскочил на ноги и отступил к двери.

– Несчастная. Вы совершили такое страшное преступление, чтобы лишить монастырь принадлежавшего ему по праву имущества! О, дочь моя, я считал вас менее преступной! Вы воспрепятствовали тому, чтобы земное богатство поступило в церковь, в святое место, единственное могущее дать вам мир и спасение. Если бы вы еще совершили это злодеяние из личного расчета, страсти, незаконной любви, это было бы простительно, но обокрасть церковь!.. – Я провел рукою по лбу. – Я не могу оставаться здесь; ваше признание меня подавило...

Я сделал вид, что ухожу. Она слушала меня с ужасом и бросилась к моим ногам.

– Отец мой, не покидайте меня; я хочу открыть вам всю душу, все побуждение моего поступка; только ради Бога, останьтесь, простите меня.

– Дочь моя, – сказал я, притворяясь, будто несколько успокоился, – только полное признание может заставить меня вернуть вам мое расположение; скажу более, сохранить чисто земную любовь, которую вы мне внушили, мне, бедному изгнаннику, лишенному права на наслаждения жизнью. Я монах и слишком крепко связан клятвой для того, чтобы осмелиться извинять столь вредное для интересов общины вмешательство. Лишь когда вы примиритесь с церковью, тогда только я могу сказать вам; не отталкивайте меня, позвольте мне быть вашим другом, вашим доверенным и помочь вам получить прощение неба.

По мере того как я говорил, все более и более увлекаясь, отчаяние, застывшее на лице графини, сменялось выражением бесконечного счастья. Она встала и схватила мою руку.

– Что я слышу? Ад вы обращаете мне в рай... Я люблю вас страстно, как никогда еще не любила, и хочу оправдаться перед вами своей материнской любовью.

Она потащила меня к аналою.

– Слушайте же, отец мой, друг и поверенный.

Она стала на колени, а я снова сел на табурет.

Тогда она высказала мне свою ненависть к Эдгару, от которого всегда мечтала избавиться; сказала, что Ульрих фон Вальдек, алчный до последней степени, согласился за деньги завязать так хорошо удавшуюся интригу, и она указала ему Марию фон Фалькенштейн как яблоко раздора. Наконец, опасаясь ловкости и искусства Эдгара во время поединка, она купила через Герту у цыганки-колдуньи один напиток, который должен был кружить ему голову и лишить сил и гибкости. Ему подали этот напиток в вине, утром перед турниром.

Я спросил, почему она выбрала соучастницей Герту. Она призналась, что подкупила эту девушку обещанием устроить ее брак с одним авантюристом Энгельбертом, жившим тогда в замке, которого Герта любила безумно.

– Я ненавидела этого человека, – прибавила она, – которого Эдгар, не знаю откуда, достал, за то, что он имел влияние на моего пасынка и они взаимно поддерживали друг друга. Вальдек скрылся из страны, и я ничего не знала более о нем. Я же достигла своей цели: муж мой умер без завещания. Но не думайте, отец мой, что я у монастыря отняла эти поместья; нет, у Эдгара, которого ненавижу, но... – жгучий взгляд ее впился в мои глаза, – если я могу получить прощение от брата-бенедиктинца путем дарования этой земли, то я готова сделать это. Ответьте, отец, прощаете ли вы меня?

Вместо ответа я сжал ее в объятиях и прошептал:

– Да, дочь моя, драгоценная овечка моего стада, которую я надеюсь вернуть в овчарню.

Почти не отдавая себе отчета, побуждаемый желанием обладать этой женщиной, я прижал мои уста к ее и говорил ей языком страстной любви...

* * *

Когда я покинул графиню и вернулся к себе, первые солнечные лучи уже озаряли небо; я привел в порядок волосы и бороду и, облокотившись о подоконник открытого окна, подставил пылавшее лицо под свежий душистый утренний ветер.

Разнообразные мысли волновали меня: подавляющее презрение к графине, уверенность в полном господстве над ее волей... Но как лучше воспользоваться? Как поступить? Чего требовать? Была минута, когда мне явилась честолюбивая мысль захватить для общины все богатство Рувенов, и в голове моей мелькнули уже все сложные комбинации, но внезапно я опомнился. Если я обогашу монастырь, что приобрету я лично этой победой? Дам миру два, три новых трупа, а сам останусь по-прежнему в той же черной рясе, живой ложью перед людьми, ничтожеством, с беспельным существованием в будущем?..

Я подпер голову руками. Я хотел жить, пользоваться свободой, а не быть вынужденным постоянно лгать, притворяться, обманывать, выманивать у людей их тайны для того, чтобы их же предать. Такая жизнь была ненавистна, и вера, которой меня учил рыцарь Теобальд, была совсем не та.

Все эти злодеяния я совершаю во имя Иисуса, который умер, молясь за своих палачей. Мы же общество мерзавцев, прикрывавшихся именем сынов церкви. Все, что еще было хорошего в моем сердце, боролось в ту минуту; смутный инстинкт говорил мне: «Ты слабеешь в своем испытании; вернись к добру, удержишься!»

Но цепь, сковавшая меня с окружающим, была уже слишком сильна: она влекла меня, несмотря на протесты моего сердца; совесть моя померкла, и глубокий мрак воцарился в душе.

Я поднял тогда свою буйную голову и сказал себе:

– Жизнь моя разбита; будущность погибла, и сам я безумец. Я мучаюсь и придумываю угрызения. Так нет! Я хочу отомстить за себя и помочь другим в том же. Ведь Бог тоже сказал: око за око, зуб за зуб, и я последую этим разумным словам в самых неумолимых подробностях.

Совершенно успокоившись, я затворил окно и, вытянувшись в постели, заснул крепким сном.

* * *

На другой день после обеда я сел на мула и отправился в монастырь. Графине я сказал о необходимости навестить больного брата. Я ехал, опустив капюшон, не из смирения, как, может быть, предполагали встречные глупые крестьяне, а для того, чтобы свободнее размышлять об отпущении и наслаждаться обаянием сознания, что удалось сделать послушной рабой гордую графиню фон Рувен.

Вскоре я уже звонил у дверей монастыря, но теперь неприятно резкий скрипучий звук колокола меня не поразил; ко всему привыкаешь.

Очень скоро я воспользовался случаем пробраться в один из темных коридоров и спустился в подземелье. В библиотеке я застал нескольких работавших монахов и спросил № 85 (Эдгара), но так как никто не знал, где он находится, я прошел к Бернгарду.

Я застал его за плавкой металлов, которые издавали едкий и неприятный запах; при моем появлении он поднял голову.

– Ты оставляешь меня, Санктус, и мне приходится работать одному. Если я сделаю великое открытие, слава перед потомством падет на меня одного.

Я сел и скрестил руки.

– Добрый вечер, братья, – раздался за нами голос приора. Я встал и увидел высокую, внушительную фигуру нашего главы с опущенным капюшоном, прислонившегося к косяку двери.

– Сидите, сидите, братья. Как идут ваши работы? Скоро ли мы будем иметь золото, брат Бернгард?

– Надеюсь, – с важностью отвечал алхимик, – я приближаюсь к разрешению задачи и должен достичь того, что буду делать золото.

Из-под капюшона приора послышался легкий смех, и он мне показался знакомым.

– Знаете ли, что я думаю, отец Бернгард? Если существуют разумные силы, направляющие нашу жизнь и наши поступки, вы никогда не найдете способа делать золото, потому что жизнь потеряла бы тогда свою цель. Золото, отец мой, есть возбудитель каждого поступка; чтобы иметь его, торгуют собою. Когда найдут бесконечное богатство, все разрушится. Ни дьяволы, чтобы нас губить, ни ангелы, чтобы спасти, не найдут больше двигателя; с этим металлом связаны все удовольствия и наслаждения в жизни, и для приобретения его ум человеческий пускается на самые глубокие ухищрения; все мозговые функции работают, чтобы добыть золото и вырвать его у ближнего. Разумы трутся между собой при этой работе, может быть, недостойной, но необходимой для умственного развития человечества. Итак, если бы, отец мой, вы нашли секрет делать без труда этот волшебный металл, если бы он сделался общим достоянием, он потерял бы цену и людям оставалось бы только подбирать его и тратить; вы, отец Бернгард, оказались бы основателем бездеятельности, лени и систематического оглупления мысли. Человек сделался бы животным, пожирающим свою пищу, не задумываясь над тем, откуда она взялась; мозг атрофируется, если он не работает, и я не могу думать, отец мой, что вам удастся остановить прогресс народный! Нужда делает открытия, дает известность и творит героев, а изобилие – никогда!

Я слушал с глубоким интересом эту захватывающую по своей правдивости речь. Какое широкое мышление у этого человека! Как он справедлив! И я должен сознаться, что он один способен поддержать организацию нашего тайного общества.

Отец Бернгард тяжело опустил голову на грудь.

– Не приходите в отчаяние от моих слов, брат, – продолжал приор. – Продолжайте искать, а пока будете искать, может быть, найдете что-нибудь более полезное для человечества, чем избавление его от всякой работы. Но я пришел вовсе не для того, чтобы смущать вас; я зашел случайно; вдруг мне вздумалось зайти к вам. Брат Санктус, если вы желаете видеть своего друга, то найдете его в пещере № 4 подземелья, прилегающего к озеру; возможно даже, что вы нужны ему.

Я понял, что приор хотел остаться один с отцом Бернгардом, потому встал и, поклонившись ему, направился в указанное место.

Это была часть подземелья, которую Эдгар называл кладбищем. На одной двери мне показался № 4, и я постучал в нее.

– Кто там? – раздался голос Эдгара.

– Я, Санктус.

Открылась внутренняя задвижка, и при свете факела в первом отделении пещеры я увидел стоявшего Эдгара, бледнее обыкновенного и с бумагой в руках.

– Что ты здесь делаешь? – прежде всего спросил я.

– Жду, – ответил он. – Но почему ты явился сюда и как нашел меня?

– Приор послал меня; однако, так как ты один, я могу рассказать тебе очень важные вещи: графиня исповедалась... с полным раскаянием.

Эдгар вздрогнул.

– Ну, и что же? – спросил он, сверкая глазами.

– Все идет превосходно; она связана по рукам и по ногам.

– Черт возьми, – произнес Эдгар, улыбаясь, – ты колдун.

Он усадил меня на сырую каменную скамью, и я должен был все рассказать ему. При известии об отравлении он вскочил с места и воскликнул:

– Бедный отец! Я отомщу и за тебя. Теперь надо только составить план. Благодарю, Энгельберт, благодарю за все, что ты для меня сделал, но я думаю. Пора... – прервал он сам себя.

– Что пора? – спросил я с удивлением.

– Увидишь.

Он отворил дверь, бывшую на задвижке и, взяв деревянный брусок вроде ручки от колодца, стал ворочать его.

– Помогите мне, – сказал он, останавливаясь и вытирая лоб. Я молча повиновался. Послышался шум воды, которая бурлила, изливаясь куда-то.

– Я уже говорил тебе, что можно по частям наполнять водой эти пещеры, – объяснил мне Эдгар. – Там, за этой дверью, есть пустое пространство, в настоящую минуту затопленное, надо выкачать воду.

После двадцати минут работы шум воды прекратился. Эдгар снял со стены факел и отворил указанную мне дверь, мы поднялись на несколько ступеней, совершенно сырых и местами покрытых лужами...

Я вздрогнул и отступил: на маленькой площадке было распростерто тело женщины, с которого струилась вода.

– Что это? Что это значит? – воскликнул я.

– Приказ приора, – ответил Эдгар, пожимая плечами. – Успокойся, Энгельберт, мы ведь не дрожим перед нашими уничтоженными врагами, так не будем выказывать отвращения и к чужим.

Он опустил факел и осветил бледное, искаженное лицо, обрамленное массой черных волос.

– Годлива! – с ужасом произнес я.

– Ты знаешь ее? – спросил удивленный Эдгар. – Но мы после поговорим об этом, а теперь помоги мне скрыть ее.

Мы приподняли труп и с трудом донесли его по каменным ступеням до двери, выходившей на озеро. Потом к ногам мертвой мы привязали груз и опустили в воду; тело мгновенно исчезло. Для глаза человеческого не осталось ни малейшего следа преступления; серебристая гладь озера была спокойна и светла, как зеркало.

Я прислонился к стене и сжимал руками тяжело дышавшую грудь. Я думал о Годливе, о нашей первой встрече в гостинице и вздрогнул. Рабенау хотел избавиться от этой женщины, и существо, стеснявшее его, погибло здесь. Значит, он знаком с нашим обществом. Подозрение это ужасным образом поражало меня... но нет, это невозможно. Погруженный в свои мысли, я оставил Эдгара одного приводить все в порядок и опомнился только, когда он сказал мне:

– Пойдем же, все кончено.

Мы вышли молча. Эдгар был озабочен своим планом мщения, а в моем мозгу вертелись самые разнородные мысли. Рабенау знал тайны подземелья; он избавился от законной жены своего сына; так неужели он член общества? Но ведь одни братья только могли участвовать в нем; я терялся в догадках. Наконец я обратился к Эдгару:

– Какой план мести придумал ты для своей мачехи? – спросил я. – Мне надо знать, как действовать.

Эдгар остановился, смертельная ненависть светилась в глазах его.

– Все взять на монастырь, – сказал он, – уничтожить графиню, как она поступила со мной. Любимец ее сын должен сделаться моим братом по святому Бенедикту, и тогда-то, когда они все будут уничтожены и лишены наследства, я, – брат, так обогативший общину, буду первый иметь право на золотой крест приора, как только место это будет свободным. Таков мой план в общих чертах. Но прежде я должен подумать. Ты понимаешь, Энгельберт, теперь я еще слишком потрясен твоими разоблачениями. Я забыл сообщить тебе новости, касающиеся тебя. Я узнал недавно, что прекрасная трактирщица Берта жива и здорова; она близкий друг аббатисы урсулинок, и тебе нагнали про ее смерть. Надо только найти ее. Барон Эйленгоф также жив, но скрывается.

В эту минуту от стены отделился худой монах с опущенным капюшоном и сделал Эдгару знак. Тот немедленно подошел к нему и, простившись со мною, сказал:

– До свидания, друг мой. Мне надо поговорить с этим братом.

Я ушел очень заинтересованный. Кто мог быть этот монах, которого, я уверен, никогда раньше не видал? Скоро, однако, меня отвлекли собственные заботы. Слова Эдгара, что Берта жива, вернули меня к мысли, что она может быть моя мать. Но при этом предположении сердце мое замерло: значит, Годлива была моя сестра, а я имел с нею любовную связь и сейчас помогал спустить в озеро ее труп. Это было ужасно! И Берта допустила мою связь с Годливой, чтобы устранить подозрения. Мною овладел такой страшный взрыв негодования, что я убил бы это подлое создание, если бы оно попало мне в эту минуту.

* * *

На другой день я покинул монастырь и, конечно, при виде почтенного отца, никто не заподозрил бы, что он вышел из места, где, не моргнув глазом, совершают самые ужасные преступления. Я медленным шагом направлялся в замок Рувен; спешить было ни к чему; я мог отдохнуть душою и телом, и если будущее не являлось особенно радостным, все-таки не представляло и больших забот.

* * *

Через несколько дней после этих событий, в замке появился рыцарь по имени граф Лео фон Левенберг. Это был очень красивый молодой человек с аристократическими манерами; он хотел лично уладить недоразумения, возникшие по поводу одного из его имений, смежных с землей Рувенов. Я присутствовал при свидании Альберта и графини с молодым рыцарем, когда вошла Розалинда; она возвратилась с прогулки верхом, с соколом на руке.

Она была восхитительна, оживлена ездой, и глаза рыцаря с нескрываемым восторгом остановились на ней. Графиня фон Рувен познакомила их, и завязался общий разговор об охоте, прогулках и погоде. Розалинде было пятнадцать лет, она знала, что красива; но в первый раз я заметил, что она желала нравиться и граф Лео неотразимо привлекает ее.

После этого первого визита граф фон Левенберг несколько раз приезжал к нам, но как-то граф Рабенау увез Розалинду, и я не видел ее несколько месяцев.

* * *

С каждым днем я все более утверждался в доме Рувенов, графиня слепо повиновалась мне, и граф Альберт, которым я также руководил, относился ко мне с большим расположением. Этот злой, угрюмый человек был большой ханжа, часто исповедовался и целые часы проводил в молитве.

Но собственные мои дела совсем не подвигались; мне не удавалось найти хозяйку гостиницы, Берту, чтоб выманить у нее нужные мне признания и тем иметь доступ к герцогу, которого я больше, чем когда-либо, ненавидел; рушились и мои старания установить отношения графа Рабенау с монастырем. Незаметно прошел год в этих интригах и размышлениях.

* * *

Однажды я читал, сидя у окна, и услышал топот нескольких лошадей. Графиня уехала к старой больной родственнице, и мы с Альбертом должны были через несколько дней отправиться туда же. Я думал, что приехал какой-нибудь сосед к молодому графу и почти забыл об этом, как вдруг отворилась дверь, и вошел Альберт, очень взволнованный.

– Отец мой, – сказал он, – я пришел к вам за советом. Приехала Розалинда; она убежала от своего опекуна, который помолвил ее за Курта; а она любит графа фон Левенберга, хочет тайно повенчаться с ним и умоляет вас благословить их брак. Но я не хочу допустить этого: прежде всего, – он нахмурил брови, – потому, что она мне самому нравится, а затем, я ненавижу тайные браки и нахожу, что она поступает нечестно, нарушая данное слово. Потому прошу вас, отец мой, не вмешиваться в это дело.

– Но, милый сын, – возразил я, – если Розалинда любит графа, чрезвычайно симпатичного человека, зачем препятствовать их браку?

Я невольно подумал, что было бы жаль мешать счастью этих двух молодых прекрасных существ; судьба так редко посылает счастье взаимной любви! Одну минуту у меня явилось опасение повредить им слишком большим усердием, и я подумал об Эдгаре, крестном отце Розалинды, но требовалось время, чтобы предупредить его, и Рабенау мог испортить дело.

Я быстро решил и, выпрямившись, уверенным голосом, гордо подняв голову, сказал:

– Сын мой, вы не имеете права разрешать или запрещать мне исполнение моих священных обязанностей. Вы и ваша мать хозяйева в этом доме, а в капелле распорядитель – священник. Я благословлю любовь Розалинды и сам отвечу за свои поступки; а вам, сын мой, остается только покориться воле вашего духовника.

Альберт был не из смелых; он знал власть мою над его матерью и не чинил более препятствий.

Исполняя мое желание, он провел меня в апартаменты графини, где вся в слезах находилась Розалинда. Увидя меня, она подбежала ко мне и схватила мои руки:

– Отец Санктус, будьте добры благословить брак мой с Лео; он приедет сюда, – сказала она умоляющим голосом. – Сделавшись его женой, я буду в безопасности в замке. Вы не можете себе представить, как я боюсь, чтобы этот негодяй Мауффен не пристал ко мне, он преследует меня своей любовью с невероятной настойчивостью, хотя опекун мой три раза отказывал ему. Курта бояться нечего; он любит меня, но терпелив.

– Успокойся, дочь моя, – сказал я дружески. – Как только приедет рыцарь фон Левенберг, брак ваш состоится.

Спустя час на парадном дворе остановились два рыцаря, сопровождаемые несколькими вооруженными людьми и конюхами.

Это были Лео и Виллибальд. Увидав брата, Розалинда вскрикнула от радости и побежала навстречу молодым людям. Свидание было трогательное; глубоко взволнованный граф фон Левенберг пожал мне руку.

– Не нахожу слов, отец мой, для выражения вам своей благодарности; вы оказываете мне огромную услугу и, если я когда-либо могу быть вам полезен, располагайте мною.

Наскоро сделали последние приготовления, осветили капеллу и, по моему желанию, Альберт подписался свидетелем на брачном договоре, который поспешно составил замковый

писарь. Затем я облачился в церковные одежды и поднялся на ступени алтаря. Через минуту появились жених и невеста.

Розалинда была прелестна в привезенном ею свадебном наряде – женщина всегда остается женщиной. Красивая пара набожно встала на колени, а я, странным образом взволнованный мыслью, что, будучи сам лишен личного счастья, могу дать его другим, произносил священные слова, которые связывали между собою два существа.

По окончании церемонии я поздравил молодую графиню фон Левенберг с мужем, и мы все отправились в залу выпить чашу вина за их здоровье. В эту минуту во дворе раздался лошадиный топот.

Альберт, подойдя к окну, недовольным голосом воскликнул:

– Граф фон Рабенау!

Розалинда побледнела и прижалась к мужу; Виллибальд горделиво выпрямился и стал около сестры.

Трусливый и лукавый Альберт проговорил со злой усмешкой:

– Я не виноват и умываю руки. Я исполнял только приказания духовника моей матери, который открыто хвастается своим влиянием на нее. В таком случае, я совершенно бессилен.

При последних словах он враждебно взглянул на меня. Подозревал ли он о моих отношениях с его матерью? Подозревал ли о моих намерениях присвоить часть его состояния в пользу монастыря?

Появление графа фон Рабенау помешало мне ответить ему должным образом. Граф был взволнован быстрой ездой; с гордо поднятой головой, со сверкающим взглядом, он остановился перед нами, и я вдруг ощутил нечто вроде страха за свой поступок против воли этого человека, могучая личность которого странным образом точно околдовала меня. Вместо всеми нами ожидаемого справедливого гнева, на губах графа появилась презрительная усмешка, и он насмешливо сказал, пристально смотря на меня:

– Отец Санктус, вы вероятно думали, что сделали мне неприятность поспешным заключением брака этой молодой парочки и лишением меня прав над опекаемой? Примем это к сведению; но и простоваты же вы, Санктус! Ваша поспешность дает моему сыну возможность заключить союз более блестящий, нежели с Розалиндой. Мне известно, что герцог желает выдать свою племянницу, принцессу Урсулу, за Курта и закрепить за своим родом состояние Рабенау, если тот умрет, не оставив потомства. Таким образом вы оказываете услугу нашему обожаемому сюзерену и мне, за что я вас и благодарю. Услуга за услугу, – прибавил он тише.

Я отшатнулся, точно громом пораженный: то были слова священной клятвы. Я не ошибался, Рабенау был сообщник и знал все.

– Мне было известно о твоём плане побега, – говорил в ту минуту граф Розалинде, – и я дал тебе убежать, потому, что никогда не стал бы принуждать тебя к ненавистному браку; но за твою скрытность и принятие решения, не посоветовавшись за мною, я сердит и не хочу больше тебя знать. У тебя теперь есть муж и защитник, пусть он охраняет тебя, мои же попечения кончены.

Розалинда подбежала к нему, протягивая свои маленькие ручки.

– Прости меня! Могла ли я знать твои мысли?

– Поди! Я не хочу говорить с тобою, – ответил он, отходя от нее и завертываясь в плащ. На минуту он остановился перед новобрачным, закусил ус и произнес:

– Поздравляю вас, граф фон Левенберг, и нисколько не сержусь на вас. Женщины с сотворения мира составляют нашу погибель, пример – Адам!

Он хотел спешно уехать, но Альберт бросился к нему и удержал его:

– Граф! Что касается меня, я невиновен; я отказал в своей согласии, но принужден был повиноваться духовнику моей матери.

Граф остановился и с нескрываемым презрением с ног до головы оглядел молодого человека.

– Вы должны были повиноваться! – повторил он с лукавой усмешкой. – Это странно! Я понимаю еще, что ваша мать должна повиноваться; но вы, здешний хозяин?! Еще если бы вашей «духовницей» была монахиня из урсулинок, это было бы понятно, объяснимо, но в настоящих условиях это очень странно. Впрочем, граф Альберт, позвольте мне сказать вам, мне – рыцарю, известному своей прямою, – что с вашей стороны признание, что вы обязаны были повиноваться, есть трусость. Ваша обязанность не изменять своим гостям, а охранять их и с оружием в руках преграждать мне вход в ваш замок, если бы я хотел силою ворваться в него. Поняли вы меня? Жаль, что потомок Руменов так мало знаком с обязанностями рыцаря.

Он вышел, а Альберт остался точно прикованный к земле и бледный от бешенства.

Молодые супруги и Виллибальд еще раз выразили мне благодарность и, холодно поклонившись хозяину замка, уехали.

Я вернулся в свою комнату совсем расстроенный. Какую оплошность я сделал! Меня преследовала мысль, что я, может быть, способствовал герцогу приобрести огромное состояние Рабенау.

* * *

Я отправился в монастырь посоветоваться с Эдгаром.

Воспользовавшись минутой, когда мы были вдвоем, я рассказал все моему другу; он выслушал меня внимательно и покачал головой.

– Очень странно, – заметил он. – Я никогда не видел здесь графа фон Рабенау. Как же он знает все эти секреты? Одно лицо, которое я видел приходившим сюда и довольно долго беседовавшим с приором, это – рыцарь фон Мауффен; и мне крайне интересно, какие дела могут быть у этого противного графа с нашим аббатом.

– Мауффен? – удивился я. – Я слышал это имя. Граф был в сношениях с Эйленгофом и был любовником Берты. Прошу тебя, Эдгар, наблюдай за этой личностью. Может быть, тебе удастся подслушать один из их разговоров с приором. Я хочу знать, о чем они совещаются, и, может быть, нападу на след этой подлой графини, которую вовсе не признаю своей матерью. Я не могу отделаться от мысли, что она и трактирщица Берта одно лицо.

Эдгар обещал мне сделать все возможное, чтобы проследить за Мауффеном и приором; затем мы перешли к его собственным делам, и он сообщил мне составленный им план, как погубить мачеху.

– Ты знаешь, – сказал он, – что я хочу дать графине вкусить прелести монашеской жизни, которыми она так великодушно наградила меня, но только сын может заставить ее постричься. Ему надоело ее опекуновство, и он желает быть единственным хозяином. Это чувство его окажет нам услугу. Ты останешься в стороне, а он заставит ее в монастыре замаливать убийство мужа. Чтобы привести молодого графа к желанной цели, ты должен выразить ему свое негодование за его грубую выходку и каким-нибудь путем заставить его приехать сюда для исповеди и молитвы. Остальное я беру на себя; он вернется к тебе готовым для намеченной ему роли. Матильда сделается урсулинкой и будет твоим орудием мщения в отношении бесчестной аббатисы, до которой ты до сих пор не мог добраться. Графиня останется верной тебе. Поступив в монастырь, она может видаться с тобою и передать в твои руки твоего врага, особенно если ей пообещать место матери Варвары. Так постарайся, Энгельберт, как можно скорее прислать ко мне Альберта. Я буду следить за ходом этого дела и, в свою очередь, надеюсь в скором времени доставить тебе радость, большую и неожиданную. Только не допрашивай меня, я должен быть нем.

Я знал проницательный ум Эдгара и потому вполне доверился его словам и, напомнив ему только о наблюдении над Мауффеном, простился с ним. Мне надо было спешить с возвращением в замок, чтобы начать свои действия против Альберта. Надежда отомстить наконец аббатисе урсулинок немало способствовала моему удовольствию.

* * *

Я начал с того, что с ледяной сдержанностью относился к Альберту и сухо отказался сопровождать его, когда он поехал за матерью. По возвращении хозяйки замка, я ожидал, пока она останется одна с сыном, чтобы поздороваться с нею.

Притворяясь, будто не замечаю ее страстных взглядов, я высказал ей в строгих словах, что молодой граф вызвал мое серьезное неудовольствие; я передал ей подробности заключенного мною в ее отсутствие брака и прибавил:

– В присутствии посторонних лиц граф Альберт позволил себе отзываться о вас и обо мне оскорбительным образом, могущим возбудить самые непристойные подозрения. Чем заслужили мы это? Объявляю вам, что с этого дня я не состою более его духовником и не желаю ничего иметь с человеком, обещающим сделаться нечестивым, если в таких молодых летах он дерзает так грубо оскорблять своего духовного отца.

Заливаясь слезами, негодующая графиня осыпала сына упреками и приказала извиниться передо мною, так как, при всей ее слабости к Альберту, я был для нее еще дороже. Сначала молодой человек отказался, но напуганный гневом матери, согласился просить прощения.

В свою очередь, я уже не хотел ничего слушать и только после продолжительных переговоров, уступая слезам и настояниям графини, принял его извинения, но в виде наказания назначил ему провести в монастыре две недели в посте и молитве и три раза исповедаться. Я был уверен в послушании его, потому что графиня потребовала бы этого от сына для моего успокоения.

На другой день Альберт отправился в монастырь, и мне неизвестно, как провел он там время, но возвратился он худой, изменившийся и в высшей степени раздраженный. Растерянный, странный взгляд его на мать показал мне, что Эдгар достиг своей цели. А я воздержался посещать монастырь в течение этих двух недель, чтобы не возбуждать подозрения.

После первых приветствий, молодой граф объявил, что очень устал, но просил мать разрешить ему вечером увидеться с ней в моем присутствии, чтобы переговорить о делах громадной важности.

В назначенный час я отправился в молельню графини, а через минуту вошел к нам Альберт, бледный и со следами сильного огорчения на лице. Он сел, сдвинул брови и, собравшись с мыслями, сказал:

– Позволь мне, матушка, рассказать вам важные события, которые до такой степени тревожат меня, что совершенно лишили покоя. Находясь в монастыре, я счел своим долгом посетить могилу отца и помолиться об успокоении его души. После всенощной я отправился один в часовню, где покоятся наши предки, и на коленях перед могилой погрузился в молитву. Наступала ночь, и святое место освещалось одной лампадой, горящей день и ночь за упокой души умерших. Как вдруг явственно раздался под могильным камнем голос: «Альберт, сын мой!» То, что доверил мне отец, так как это был, несомненно, его голос, я передам вам в конце рассказа, который, насколько я замечаю, волнует и вас; вы дрожите и бледнеете, матушка? – Он бросил на мать испытующий взгляд и продолжал: – Вы можете себе представить, как я был потрясен? То, что голос из могилы поведал мне – ужасно. Я был один, волосы на голове моей стали дыбом, и я бежал.

Графиня, мертвенно бледная, несколько раз провела рукою по покрытому потом лбу. Я был спокоен, но притворялся глубоко заинтересованным.

– На другой день я поверил учителю моему, почтенному ученому монаху, – продолжал Альберт, – что со мною на могиле отца случились странные вещи, но не сообщил подробностей.

«Сын мой, – сказал мне святой отец, по некоторому размышлению, – отправься туда еще два раза. Если то же повторится снова, мы должны будем признать это знамением свыше и тогда я сведу вас к одному благочестивому отшельнику, которому Господь за его примерную жизнь даровал ясновидение, он объяснит нам все».

Убежденный в глубоком смысле этого совета, с замирающим сердцем два раза ходил я на могилу, и дважды голос моего отца и господина повторил те же слова. Я умолял духовника исполнить его обещание, и он отвел меня к отшельнику, почтенному старцу с белой бородой и с черными пронзительными глазами.

«Ага! – подумал я. – Отец Бернгард!»

– Я молил Бога убедить меня, что в действительности вовсе не были произнесены слышанные мною слова, – продолжал молодой граф, – но, увы, молитва моя не была услышана. Добрый отшельник спросил, что мне надо, но на первых же словах остановил меня: «Ваш умерший отец говорил с вами? В таком случае, он сам и скажет вам, что ему надо. Мне же ничего не следует знать».

Он бросил горящих углей в большую жаровню и стал молиться. Сначала замелькали разноцветные огоньки, потом поднялся густой дым и вдруг – клянусь вам, матушка, что меня не обманывали мои чувства, – я увидел призрак отца, протягивавший мне лист белого пергамента. При этом ужасном видении, я упал в обморок; когда же пришел в себя, святой отшельник передал мне пергамент со словами: «Вот лист, принесенный призраком вашего отца. Поднесите его к жаровне, и он сам напишет вам то, что желает сообщить».

Я встал совершенно разбитый и осмотрел со всех сторон пергамент; на нем не было положительно ничего, ни знака, ни письма. Не спуская с него глаз, я приблизил его к жаровне и увидел, как сначала буквы, а потом целые слова появлялись на белом фоне пергамента, и слова были те самые, что говорил голос из склепа. – Графиня, чуть живая, еле сидела. Альберт с силой схватил ее руку. – Будешь ли ты теперь отрицать, что отравила моего отца? Вот уже целый час я читаю на лице твоём твою вину.

Матильда упала на колени.

– Суд Божий наступил для меня. Мертвые встают, чтобы обвинять меня. Да, я виновна, но не осуждай меня, сын мой, ради тебя, из материнской любви, совершила я грех.

Она протянула к нему руки, но граф с ужасом оттолкнул ее.

– Ради меня? Так ты хочешь сделать меня своим сообщником? Никакого земного богатства не хотел бы я купить ценою подобного преступления.

Графиня вскрикнула, задыхаясь, и упала без чувств. Альберт повернулся ко мне и с упреком сказал:

– Вы знали это, отец мой, и молчали? По ее взглядам я видел, что она во всем призналась вам.

– Вы правы, сын мой, – печально ответил я, – я знал все. Но разве вам неизвестно, что признание на исповеди проникает в ухо священника, как в живую могилу? Вы видите, что, если клятва обязывала меня молчать, то Провидение нашло другое средство открыть истину. Неужели вы еще допускаете преступные отношения между мною, служителем Бога, и этой несчастной преступницей, которую я мог только жалеть, – я вздохнул. – А смирение ее и покорность происходили от уверенности, что мне известен ее гнусный поступок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.